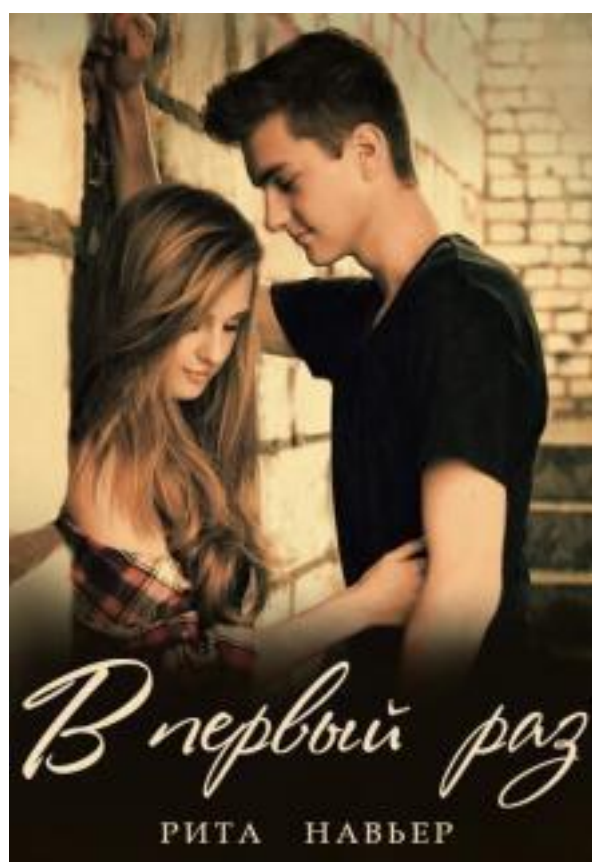

Рита Навьер
В первый раз...

«Литнет»

2023

Навьер Р.

В первый раз... / Р. Навьер — «Литнет», 2023

Лето 1984 г. Ира закончила девятый класс. Но долгожданные летние каникулы испорчены: родители переживают тяжелую семейную драму. Отец ушел к другой женщине. Мать подала на развод. А ее отправляют в лагерь, чтобы оградить от переживаний. Однако в лагере ее ждут настоящие испытания. Ира сталкивается с враждебным отношением сверстниц, с первой любовью, с первым предательством... ХЭЖ книга была издана под названием «Зарница»;

© Навьер Р., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	12
5	16
6	19
7	22
8	26
9	30
10	34
11	38
12	42
13	44
14	46
15	48
16	51
17	53
18	56
19	61
20	64
21	69
22	71
23	73
24	75
25	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

1

Ира знала – у родителей не клеилось. Ещё с весны. А может, и раньше, но весной точно всё стало плохо. Совсем плохо.

Тогда отец впервые «загулял». Как ушёл седьмого марта утром на работу, так и вернулся только вечером девятого. А про международный женский день, про мать и про неё, Иру, совсем забыл. Потом оправдывался, но вяло, по привычке, а не потому, что и правда совестно.

Ира злилась на него. Даже на пять рублей не купилась, которые он сунул ей в карман болоньевой курточки, мол, вместо подарка. Гордо выложила на трюмо в прихожей. Потому что не нужны ей подачки.

Он лишь устало вздохнул – уговаривать, доказывать и извиняться не стал. А она ждала. Виноват же!

Ведь раньше провинившись даже немного, отец из кожи вон лез, чтобы мама его простила. На руках её носил. По дому помогал. Подарками задабривал. И Ире с маленьким Юркой перепадало. В выходной он куда-нибудь их водил: в кино, в цирк, на аттракционы. И обязательно заходили в кафе, где отец покупал им с Юркой сразу по двойной порции мороженого.

А вечерами, уже дома, доставал фильмоскоп, и они смотрели по несколько диафильмов за раз. Он ещё и читал их на разные голоса, чем смешил обоих до слёз. Но не это главное, важно то, что она чувствовала – он её отец. Он их любит.

Теперь не так. Он как будто с ними и как будто нет его. Даже когда дома – ни о чем не спросит, не поинтересуется. Смотрит на тебя, но не видит. Потому что мыслями не здесь, не с ними. Это было невыносимо.

Ира надеялась, что всё само собой наладится и заживут они как раньше, но становилось только хуже. Всё чаще отец то совсем не приходил ночевать, то исчезал на все выходные.

Мама ходила как в воду опущенная. Или, наоборот, вся на взводе. Однажды даже сорвалась на Юрку, когда тот вернулся из булочной, надкусив хлеб с краю. Мать на него кричала страшно, даже замахивалась, как ещё не стукнула. Даже Ира опешила, хотя сама терпеть не могла эту дурацкую Юркину привычку. А перепуганный брат почти час ревел, Ира насилу его утешила.

На отца же мать ни разу и голоса не повысила. Наоборот, ещё усерднее, чем раньше, утюжила ему брюки и рубашки, варила борщи, пекла пироги и лепила пельмени, потому что больше всего он любил борщ, пироги и пельмени.

Но и этого ей показалось мало – с каким-то сумасшедшим рвением она взялась осваивать новые рецепты из «Книги о вкусной и здоровой пище» – этот увесистый талмуд с множеством красочных картинок давным-давно подарила им бабушка. Прежде мама этими замысловатыми рецептами никогда не пользовалась, а теперь по воскресеньям готовила настоящие кулинарные шедевры, наполняя квартиру умопомрачительными запахами.

И с собой тоже творила немыслимое. Взяла зачем-то и постригла волосы, да еще и сделала дурацкую химию. Ире не понравилось, а отец даже не обратил внимания.

А в апреле Ира увидела отца с другой. Встретила случайно в парке. Он её не заметил – так увлечён был той, рыжей, в тёмно-зелёном плаще. А Ира не окликнула. Отчего-то вдруг стало стыдно, как будто это её застукали за чем-то плохим, а вовсе не его. И обидно было до жгучей боли в груди, аж слёзы на глаза навернулись.

Сначала хотелось опрометью броситься прочь, чтобы не видеть их, его, её. Но что-то словно держало, не давая уйти.

Что на неё нашло тогда – Ира сама не знала, но следовала за ними по пятам, неотступно, прячась то за голыми кустарниками и деревьями, то за киосками и фонарными столбами.

Они шли медленно, время от времени останавливались, иногда женщина кокетливо смеялась, запрокидывая рыжую голову. Ира сжимала кулаки, испепеляя взглядом её спину. Пару раз женщина оглянулась, будто почувствовала, что на неё смотрят. Мазнула рассеянным взглядом по прохожим и пошла дальше.

На город напоздали холодные синие сумерки, в домах зажигались огни, но эти двое всё так же не спеша брели, ничего вокруг не замечая. В конце концов свернули с оживлённой улицы во дворы. Ира крадучись шла за ними, понемногу сокращая расстояние – в полутьме она могла легко потерять их из виду.

Они остановились у крайнего подъезда сталинской четырёхэтажки. Видимо, прощались. Отец воровато заозирался по сторонам и торопливо ткнулся к ней лицом. Поцеловались.

Ире стало противно. Думала уже уйти. Зачем дальше себя мучить? И так всё яснее ясного. Но тут отец развернулся и пошёл напрямик в её сторону.

Покорёженный остов детской горки, в тени которого Ира затаилась не дыша, служил слабым прикрытием. Отец запросто мог её обнаружить. Но он, видать, все еще думал про свою рыжую, потому что прошёл совсем рядом и не заметил.

Ира уходить не торопилась. Прочла адресную табличку – Аптечная, 38. Обошла дом, всматриваясь в жёлтые квадраты окон. Какое из них? Не понять. Ничего, пообещала себе, придёт в другой раз и обязательно вычислит, в какой квартире живёт эта рыжая, и тогда... а что тогда – сама не знала. Не придумала ещё.

Дома Ира терзалась: сказать – не сказать матери? Решила не говорить. На ней и так лица нет. Глаза постоянно красные. Да и вдруг эта рыжая у папы ненадолго.

Хоть бы ненадолго! Может, эта рыжая вскоре разонравится отцу? И вообще ничего ведь в ней особенного нет, разве что моложе матери. Но зато мать гораздо красивее. У нее красота тонкая, изысканная. Рыжая ей и в подмётки не годится. Даже непонятно, что отец в ней нашёл...

2

После встречи в парке Ира и вовсе не могла с отцом разговаривать. Увидит его – и сразу стучит в голову: предатель, предатель, предатель.

Когда он был дома, в квартире повисало тягостное удушающее молчание. Давило, словно каменной плитой. Даже мелкий Юрка не приставал к отцу с беспечной болтовнёй, как раньше.

А «рыжую» Ира возненавидела. После того случая она ещё трижды караулила её у дома, прячась на детской площадке. И в третий раз повезло, хоть и пришлось сидеть дотемна. Через освещённые окна подъезда увидела, как та поднялась на второй этаж и вошла в квартиру справа. Выждав несколько минут, Ира поднялась следом. Обычная дверь, обитая чёрным дерматином. Латунный ромбик с цифрой 5.

Теперь известно, где живёт рыжая. Только что с этой информацией делать? Узнала и узнала. Как будто это что-то могло изменить. Позвонить ей и наговорить гадостей? Но чем это горю поможет?

Настроение у Иры вдруг испортилось, вернее, стало ещё хуже. Она почувствовала себя измотанной и опустошённой. Словно цель – выследить, где живёт та женщина, – помогала ей держаться, придавала какой-то смысл. А сейчас опять всё стало тоскливо и беспросветно.

Ночами Ира подолгу не могла уснуть. Обида и злость рвали душу. Слезы жгли веки, но плакать было нельзя – Юрка мог проснуться, он спал чутко.

Утром Ира сама себе не нравилась, даже в зеркале, которое висело в ванной. А в нём она всегда казалась очень хорошенькой. Особенно если встать полубоком и слегка улыбнуться. Теперь как ни вставай – лицо серое, какое-то больное, глаза припухшие, тусклые и улыбка вымученная.

В школе тоже скатилась. Вообще, она и раньше не сильно блистала, однако и в хвосте не плелась. Числилась в середнячках, но крепких, тех, что ближе к хорошистам. Ей вечно говорили: вот если бы старалась... Но старания ни при чём, это всё из-за химии и физики. Они не давались ей никак, хоть исстарайся до смерти.

А теперь даже и по тем предметам, по которым никогда не было проблем, Ира умудрилась нахватать троек. Ещё и классная, Людмила Константиновна, на неё взелась. На последнем уроке минут десять ее отчитывала.

"Сплошные тройки!"

Как будто у неё одной. Полкласса таких, а то и хуже.

"Постоянно не готова!"

А как тут готовиться, когда откроешь учебник, а вместо параграфа так и видишь ту рыжую с папой под ручку.

"Пассивная, инертная, в жизни класса никакого участия не принимает!"

Жизнь класса, жизнь класса... тут в своей бы жизни разобраться.

Как Ира ни щадила чувств матери, скрывая от неё ту рыжую, как ни тешила надежду, что папина блажь вскоре пройдёт – всё зря.

Отец увяз в этих новых отношениях так, что ему, похоже, было уже на всё плевать. Если поначалу он придумывал для матери какие-то отговорки, пусть и шитые белыми нитками, то сейчас уходил и приходил, когда вздумается, не утруждая себя и малейшими предложениями. И появлялся со своей рыжей везде, больше не скрываясь.

Ну и конечно, сразу нашлись добрые люди – увидели и доложили.

Ира как раз вернулась с первомайской демонстрации. Устала так, что с ног валилась.

Юрка, глядя на сестру, фыркнул и протянул:

– Поду-у-умаешь. Устала она. Вот я устал – я в комнате убрал, пока тебя не было. И мусор вынес. Мама велела.

Ира снисходительно улыбнулась, ласково потрепав его по вихрам: глупенький. Первоклашки на демонстрацию не ходили, но попробовал бы он отшагать семь километров до главной площади, да ещё и с транспарантом, сделать круг, а потом обратно полпути так же – пешком. Потому что из-за праздника дороги перекрыли, и автобусы доезжали только до кольца и сразу обратно, а троллейбусы и вовсе не ходили. Так что четыре остановки пришлось идти самой, да и потом в автобус еле втиснулась. Впрочем, настроение всё равно было приподнятое, в кои-то веки.

Пока шли по празднично украшенным улицам города огромной пёстрой колонной с шарами, плакатами, флагами под звуки бравурных маршей, льющих из динамиков, она и думать забыла про отца и вообще про всё плохое. Одноклассники смеялись и шутили. Одурачюще пахло черемухой – весна в этом году выдалась ранняя. И даже солнце светило как-то радостно и безмятежно. Все вокруг заряжались друг от друга бодрым ликованием, и в душе откуда-то взялась легкость и почти уверенность, что всё будет хорошо.

Однако стоило прийти домой, как весь этот запал моментально угас. Дома было тоскливо. Казалось, сами стены уже впитали в себя унылый дух и тягостное ожидание беды.

А ближе к вечеру к ним примчалась соседка со второго этажа, Лариса. Как всегда заполошная, она звонила, не отпуская кнопку, будто пожар. И ворвалась в тесную прихожую вихрем, запнулась о Юркины кеды и чуть трюмо не свернула, толкнув его широким бедром, так, что мамины богатства – «Дзинтарс»* и «Быть может»**, и Ирина «Прелесть»*** – попадали, как раненные бойцы.

Затем они с матерью закрылись на кухне.

Раньше Ире и в голову бы не пришло подслушивать, даже неинтересно было бы, о чём там эта Лариса так спешила сообщить, но сейчас дурное предчувствие буквально взвыло сиреной, и Ира не смогла удержаться. Отправила Юрку гулять во двор, а сама прильнула к стене, поближе к кухонной двери, даже дышать перестала, чтобы ничего не упустить.

– Мы с нашими возвращались после демонстрации. Зашли в пельменную на Карла Маркса...

И тут засвистел чайник. Так некстати! Впрочем, пока мать разливала чай, Лариса молчала.

– ...а там твой сидит с какой-то девицей. Нет, ну ничего такая. Рыженькая. Молоденькая. Но знаешь, из тех, что сами на мужиков вешаются. Я эту породу прекрасно знаю. Хотя и твой, конечно, тоже хорош. Сидит такой поплывший, за руку её держит. У всех на виду, ты представляешь? И поздоровался со мной как ни в чём не бывало. Нет, смутился, конечно. Поерзал немного, но даже руку её не выпустил. Другой бы на его месте вообще сквозь землю провалился, а твой – хоть бы что...

Мать молчала. Ира и сама онемела.

– Что будешь делать? – деловито спросила Лариса после продолжительной паузы.

– Да, теперь, конечно, придётся что-то делать, – глухо сказала мать и всхлипнула.

Ира стиснула зубы до боли в челюсти – слушать было невыносимо, как мать плачет.

– Ты погоди, не раскисай. Все ведь мужики такие. Думаешь, мой подарок? Куда там! Твой хоть не пьёт, не выступает... Да не плачь! Ты вот что – ты ему на производство напиши. В партком. Он ведь у тебя партийный.

– Ну что ты, – всхлипывая, отозвалась мама. – Это ж такой позор. Да и времена сейчас другие.

– Какие другие? Вот у нас, в конструкторском, тоже один завёл себе любовницу. Даже из семьи собрался уходить. А он – начальник отдела, между прочим. И тоже партийный. И что ты думаешь? Жена его пожаловалась: так, мол, и так, семья распадается, дети без отца

остаются, и какой, дескать, своим аморальным поведением он пример подаёт другим, своим подчинённым... В общем, его на заседании парткома пропесочили как следует, пригрозили, что с должности снимут, может, даже из партии выгонят – так тот как миленький домой вернулся и налево теперь даже не смотрит.

– Нет, нет. Не хочу позориться.

– Глупости какие! Ну, можешь пока не писать сразу на службу, просто пригрози ему, что напишешь. Может, придет в себя. А если нет, то тогда уж жалуйся. Ну что ты мотаешь головой? Позорно ей! А разведённой с двумя детьми остаться лучше, что ли?

Ира дожидаться не могла, когда эта Лариса уже уйдёт. Кто её вообще просил приходить и докладывать?

Наконец, соседка убежала, оставив на кухне недопитый чай и мать – всю в слезах. Ира думала утешить её, но тоже расплакалась.

* Латвийская парфюмерная фабрика. В советское время входила в объединение Союз-парфюмерпром. В данном случае одноимённое название духов.

** Легендарные польские духи.

*** Лак для волос.

3

Отец пришёл поздно. Впервые мама не вышла его встречать. И ужинать не позвала. Потом, ночью, они, конечно, говорили.

Ира дождалась, когда уснёт брат, и тихонько выскользнула из комнаты. Однако почти ничего разобрать не удалось – родители разговаривали очень тихо.

Тогда отец от них не ушёл, хотя Ира была уверена – уйдёт. Прямо с утра. Но когда встала, отец брился в ванной, а мать возилась на кухне. С виду было всё, как обычно. Даже мелькнула надежда: может, они помирились?

Отец ещё и добриться не успел, как к ним заявила классная. Он так и выглянул из ванной в майке и домашних трениках, с гудящим чёрным рожком электробритвы в руке. Потом, правда, юркнул в спальню и показался оттуда уже в рубашке и приличных брюках.

– У вашей дочери наплевательское отношение к школе, к учёбе, к своим обязанностям, – выговаривала Людмила Константиновна. Высокая и грузная, она, казалось, занимала собой практически всю прихожую. Пройти в комнату отказалась, не захотела разуваться. – Сегодня она не готовится к урокам, обманывает учителей и родителей, а что будет завтра? Ведь всё начинается с малого.

– Давайте не будем строить прогнозы, – недовольно буркнул отец. – Какие конкретно к Ире претензии?

Людмила Константиновна недовольно поджала губы.

– Конкретно? Хорошо. Во-первых, она скатилась почти по всем предметам. За последнюю контрольную по алгебре – двойка. За самостоятельную по физике – тоже двойка. По литературе – куча долгов по стихам. А по моему предмету так вообще: когда ни спросишь – вечно не готова. А ведь уже конец года. Осталось всего ничего. С какими оценками она в десятый класс перейдет? Во-вторых, ваша дочь абсолютно безразлична к делам школы и класса. Жизнь коллектива её не волнует. Она нигде не участвует. Ни в смотре самодеятельности, ни в чём...

Людмила Константиновна сделала паузу, ожидая реакции Ириных родителей, но те молчали как партизаны. Тогда она продолжила:

– Она у вас вообще единоличница. Все в классе чем-то увлекаются, посещают какие-то спортивные секции, многие в музыкальную школу ходят. А Ира? Нет, я знаю, что она у вас талантливо рисует, но талант её пропадает даром. Даже стенгазету от неё не допросишься. Какой тогда прок обществу от ее таланта?

Ира, и правда, с самого детства любила рисовать, и маленькую все её нахваливали. Но художественную школу она бросила, не проучившись и года, потому что там рисовали одни вазы, а ей было скучно рисовать вазы. Ей нравилось писать лица, ну или картины с сюжетом, с людьми, но уж точно не букет осенних листьев в кувшине. Даже на пленэре она акцентировала внимание на людях – рассеянных, влюбленных, озабоченных, куда-то спешащих, а природа и архитектура становились лишь смазанным фоном.

Ну а стенгазеты – это вообще не искусство, а ерунда какая-то, считала Ира. Выписывать тушью лозунги и рисовать карикатуры на одноклассников – это... это даже хуже, чем вазы.

Вот Ира и отказывалась. Зато с преогромным удовольствием оформляла стенд у мамы на работе – в детской городской библиотеке. От её Пушкина и Льва Толстого все были в восторге.

Людмила Константиновна ещё долго перечисляла Ирины грехи, припомнив все моменты, где она «отличилась». А мать с отцом всё так же молча слушали с постными лицами, не споря и не соглашаясь, как будто просто стояли и ждали, когда уже классная закончит свою речь и оставит их в покое.

В конце концов, отец пообещал, что проследит, чтобы Ира взялась за ум и вытянула последнюю четверть. Ну а насчёт коллектива...

– Насчёт коллектива... – попытался объяснить отец. – Ира никогда и не была компанейской. И вовсе не плевать ей, просто характер такой. Замкнутый. Ей сложно раскрыться. Но мы работаем над этим.

Ира поморщилась. Как же, работаем. С «рыжей» своей он работает, это да. Лицемер.

И ничего ей не сложно раскрыться. Неохота, вот и всё. Перед кем ей раскрываться? Перед Людмилой Константиновной, что ли? И главное, зачем?

Однако вслух Ира ничего не сказала. Ждала реакции родителей. Неужели будут ругать? Нет, не ругали. Разбредлись молча: мама – на кухню, отец – в ванную добривать недобритое.

4

До конца учебного года отец жил дома.

Жить-то жил, но прежним, родным так и не стал. Чувствовалось, что мыслями, душой он не с ними. И мама больше не хлопотала вокруг него, пытаясь задобрить. Казалось, она каждый день обречённо ждала, когда он решится уйти. Они и не разговаривали почти. Словно не муж и жена, и даже не соседи, а совершенно посторонние люди.

Ира кое-как вытянула на тройки химию и геометрию, расквиталась со всеми долгами и с горем пополам перешла в десятый класс.

Отец по этому поводу расщедрился: где-то умудрился достать ей новые импортные кроссовки и кассетный магнитофон «Соната». Хотя, может, и по другому поводу. Потому что вскоре принял «нелёгкое для себя решение» – его слова. И сразу радость от подарка обернулась горечью. Ведь не подарил, получается, а откупился.

Вскоре после ухода отца приехала из деревни бабушка. Приехала всего на два дня, чтобы увезти Юрку на лето к себе. Иру тоже звали, но она отказалась наотрез. Это маленькой ей в радость было носиться с деревенскими дотемна, купаться в речке, есть спелую малину прямо с куста. Но сейчас-то она уже почти взрослая.

Пол-июня Ира промаялась в городе – с утра ходила в школу на летнюю практику. Её, как художницу, определили красить в школе батареи. Ну а днём она изнывала с тоски. Иногда ходила к маме на работу, помогала расставлять книги на стеллажах, поливала цветы, рисовала портреты. А потом родители огорошили: они решили развестись. Причем мать настояла.

Вот странно, думала Ира, сначала мама через себя готова была переступить, да что уж – переступала много раз. И вдруг как отрезало. Никаких «может быть», никаких «подумай ещё раз». Раз ушёл, значит, навсегда.

Положа руку на сердце, вот такой, гордой и категоричной, мать нравилась Ире гораздо больше. Потому что сама она уж точно не простила бы предательства. Как бы плохо без отца ни было.

Она и не простила. Наверное, поэтому, встретив его случайно на рынке и опять с этой проклятой рыжей, Ира как взбесилась. Не подошла к нему, не поздоровалась в ответ, когда он нерешительно махнул ей рукой, только сверкнула гневным взором и умчалась прочь.

Ноги сами собой принесли на Аптечную. Не постеснявшись малышни в песочнице и бабулек на приподъездной лавочке, Ира подобрала с земли камень побольше и запустила в ненавистное окно. Стекло разбилось вдребезги, и после секунды внезапной тишины поднялся невообразимый гвалт. Старушки заголосили, дети помладше – заплакали, постарше – возбуждённо загалдели. Тут же к Ире подскочил какой-то толстяк в летних белых брюках и светлой рубашке с короткими рукавами, схватил её за руку и куда-то потянул.

– Ах ты, хулиганка! Сейчас в милиции с тобой разберутся.

– Отпустите! – взвизгнула Ира, пытаясь вывернуться.

Но сознательный гражданин только крепче сжал её руку.

– Воровку защищаете! – зло выкрикнула она.

Толстяк на секунду растерялся, и Ира тотчас вырвалась, он и сообразить не успел. И припустила со всех ног прочь. Однако отец всё равно узнал. Может, соседи рыжей её описали, может, сам догадался, чья это работа. Пришёл вечером, хотел "серьезно побеседовать", но Ира даже слушать не стала. Только огрызнулась:

– Подумаешь, окно разбила! А ты нам жизнь разбил!

Но мать Ирину выходку тоже осудила. Наказывать не стала, но высказала, что вот так себя вести – глупо и стыдно. А спустя два дня заявила, как обухом по голове огрела:

– Ты едешь в лагерь. Я уже и путёвку взяла. С двадцать восьмого начинается вторая смена.

– Лагерь? Какой лагерь? Мам, ты что? Не хочу я ни в какой лагерь! – запротестовала Ира.

Но мать не уступала:

– Что значит – не хочу? Я путёвку свыбила, договаривалась, а она... Прекрасный лагерь.

Отдохнёшь там на свежем воздухе, с другими детьми подружишься...

– Не хочу я на свежем воздухе, не хочу с другими детьми!

– А что ты хочешь? Пыль городскую глотать? Носиться как дикарка по улицам и окна бить? Права ваша Людмила Константиновна – ты всегда сама по себе. Единоличница. А так нельзя. Ты живёшь в обществе, а значит, должна с его правилами считаться.

Ира тотчас ошетибилась. Вот уж от матери она никак не ожидала, что та встанет на сторону классной. Можно подумать, она только и делает, что с утра до вечера бегает по городу и окна разбивает.

Ира сердито поджала губы. Когда с ней вот так разговаривали – она вообще отвечать отказывалась.

Глядя, как дочь упрямо молчит, как светлые ниточки бровей сошлись на переносице, мать смягчилась. Знала, что «кнутом» её и вовсе не переубедить.

– Ирочка, ведь там будет много ребят, много девочек. Ты обязательно с кем-нибудь подружишься. Будет интересно, весело. Ты ещё потом уезжать не захочешь.

Ира укоризненно взглянула на мать – нет, она её совершенно не знает. Ну какие девочки, какие ребята? Ни за что и ни с кем она не подружится. Потому что... Ира и сама не знала почему. Вернее, знала, но выразить доходчиво не могла.

В классе она ни с кем не дружила. Общалась на уровне «привет-пока-что задано-дай списать», и на этом всё. Прежде у неё была лучшая подруга Анечка Лисичникова, но они ссорились чуть ли не каждый день, по всякой мелочи, и уступать друг другу не желали. Правда, и мирились быстро. Но в шестом классе Анечка стала ходить с более покладистой Любой – с ней Лисичникова верховодила, и это ей нравилось. Поэтому дружба с Ирой быстро сошла на нет.

Ира тогда очень страдала. И скучала даже по их ссорам невыносимо. Однако виду не показывала. Считала, что это унижительно. Даже на вопрос матери, почему Анечка перестала к ним заходить, Ира заявила, что та ей надоела и дружить больше неохота.

Мать с ней тогда очень долго и строго беседовала. Объясняла, как это непорядочно, как некрасиво, втолковывала, что дружбу надо ценить и ради друга многим жертвовать. У Иры сердце разрывалось от её слов, но в ответ она лишь хмурилась и упрямо твердила одно: «Не хочу с ней дружить. Надоела». Считала – лучше пусть мать её не понимает и даже осуждает, лишь бы она не знала, что это Иру на самом деле отвергли, бросили, задвинули подальше, как вещь, которая больше не нужна.

Ну а когда Анечка, ко всему прочему, разболтала её секреты Любе, в том числе и про Витю Кудряшова из параллельного, который когда-то нравился Ире, она разозлилась не на шутку. И пусть Кудряшов уже давно разонравился, всё равно – какое вероломство.

На другой день Ира пришла в школу пораньше, до уроков, и изобразила мелом на доске бывшую подругу. Очень похоже – Ира умела улавливать и передавать не только черты, но и выражение лица, – только изо рта у нарисованной Анечки торчал длинный и раздвоенный язычок, как у змеи. И уж конечно, все недостатки её внешности Ира выписала с особым тщанием. Аня увидела рисунок и расплакалась.

Мальчишкам портрет пришелся по душе, они смеялись и просили Иру изобразить еще кого-нибудь. А вот девчонки встали на сторону Лисичниковой. Даже ходили на нее жаловаться к председателю совета дружины, правда, тот отмахнулся. Тогда привлекли Людмилу Константиновну. Та оставила весь класс после уроков. Лисичникова опять принялась всхлипывать, наверное, чтобы показать, как сильно ранил ее портрет, хотя до этого на переменах уже и бол-

тала, и смеялась с другими, и гадости выкрикивала Ире. Но тут, конечно, вспомнила, что она – невинная жертва.

Классная сначала ругала Иру, а девчонки хором поддакивали, а потом все они стали требовать, чтобы «карикатурщица» публично извинилась перед Аней за свои художества.

Ира встала, подошла к Анечке, взглянула в зарёванное лицо, в глаза, в которых помимо обиды так явственно сквозило злорадство, а затем сложила фигу и ткнула ей под самый нос.

Кто-то прыснул, но тут же спохватился. И началось! Недостойна быть другом, недостойна зваться пионером, недостойна, недостойна, недостойна... Стыдили её все: и Людмила Константиновна, и председатель совета отряда, и звеньевая. А те, кто молчал, осуждали взглядом. Ире не было стыдно, а вот обидно было, хоть плачь. Ведь это же её предали! Со всех сторон предали. Но доказывать и объяснять ничего никому не стала. Оправдываются только виноватые, так отец всегда говорил.

В конце концов, не дождавшись от Иры раскаяния, ей вклеили неуд по поведению. Домой она мчалась, задыхаясь от злости и бессильной обиды. И лишь в пустой квартире дала волю слезам. Рыдала до икоты, до головокружения. Хорошо, что мать с отцом были на работе, а Юрка – в садике, и никто не видел ее истерики.

После истории с Лисичниковой Ира стала ещё более замкнутой и, как говорила Людмила Константиновна, безынициативной. Старалась держаться особняком. Ей так нравилось, ей так было комфортно. И тут вдруг мама с этим дурацким лагерем!

– Три недели на свежем воздухе. Лес, речка, танцы наверняка будут, мальчишки... Это ж так интересно, весело! Будь я на твоём месте...

Ира в ответ лишь молча смотрела на мать исподлобья, и та в конце концов отступилась. А на другой день снова затеяла этот разговор. Только Ира не желала слушать никакие доводы. Даже психанула:

– Ты меня из дома гонишь?

– Ты неверные выводы делаешь, Ира. Вечно всё с ног на голову перевернёшь, – нахмурилась мать, но больше про лагерь не заикалась.

Тем же вечером к ним опять заявила соседка Лариса. Мама провела её на кухню, усадила пить чай. Ира насторожилась – с чего вдруг к ним Лариса зачастила? Тихо вышла в прихожую и прильнула ухом к стене.

И точно – обсуждали грядущий развод. Вернее, Лариса увещевала с разводом повременить, мол, зарплата у библиотекарей маленькая, а двоих детей вырастить непросто. Мать особенно не спорила, но и не уступала.

– Нет, Лариса, всё решено окончательно и бесповоротно. Не хочу я так – ради лишних трёхсот рублей терпеть унижение. И не жизнь это – каждый раз, когда его нет, думать, что он сейчас там, с ней... Да и детям тоже ничего хорошего расти во лжи.

– Ну и когда развод? – спросила Лариса.

– Через неделю суд. – Мама помолчала, а потом как обухом по голове: – Вот хотела Иру в лагерь отправить, чтоб не маячила тут. Не до неё ведь сейчас совершенно, еще и капризы ее терпеть... Да и ей незачем всё это видеть... Но она упёрлась, и ни в какую. Такая упрямая растёт.

– Разбаловала ты её...

Дальше Ира не слушала. Слова матери так и стояли в ушах: "...чтоб не маячила", "...терпеть её...".

Выходит, сначала отец её бросил, а теперь и мать от неё избавиться хочет? Получается, никому она не нужна. Внутри будто едкая горечь разлилась. Хотелось бежать из дома прочь, раз она тут так мешает. Только вот куда? Некуда...

Когда Лариса ушла, Ира сообщила:

– Я поеду в лагерь.

- Ты же не хотела, – удивилась мать.
- Захотела, – процедила Ира сквозь зубы.

5

Ира чувствовала себя каторжницей, которую за какие-то неведомые прегрешения ссылают в глушь. И зачем она согласилась ехать? Кому и что доказала? Только себе хуже сделала.

Стало тошно ещё у пединститута, откуда автобусы отправлялись в «Берёзки» – злополучный лагерь, где предстояло убить целых три недели лета.

От суматохи, разноголосицы и толкотни у Иры разболелась голова. Нестерпимо захотелось вернуться домой. И вполне возможно, она бы так и поступила, но мама уже битый час изводила её нотациями и напутствиями из разряда «то не делай, туда не ходи». Ира едва сдерживала раздражение, поэтому, когда их воспитатель, высокая бойкая женщина с химическими кудряшками, объявила в рупор: «Второй отряд проходим, садимся», подхватила, не мешкая, свой чемодан и рванула к жёлтому «лиазу», у которого на ветровом стекле был наклеен лист с нарисованной цифрой 2.

Ира заняла место у окна сразу за водителем, тогда как самые весёлые и шумные, наоборот, облюбовали сиденья в хвосте. Рядом с Ирой села худенькая белобрысая девчонка в очках с длинной тонкой косицей. Сразу видно – тихоня, подумала Ира. И правда, девочка за всю дорогу не вымолвила ни слова. Зато в задней части автобуса веселье набирало обороты. Так и доехали до лагеря под взрывы дружного хохота.

– Выходим, не толкаемся, – скомандовала воспитатель, назвавшаяся Антониной Иннокентьевной. – Вещи свои не забываем.

Всей гурьбой в три десятка голов они ввалились в распахнутые ворота, у которых их встречал старик-сторож и два гипсовых пионера-горниста. Воспитатель призывала не шуметь, но какой там! Они галдели, перекрикивая песню о весёлом барабанщике, что лилась из репродукторов.

Ира плелась за шумной толпой, уныло оглядывая округу. Здесь и впрямь кругом росли берёзы. Среди зелени тут и там разбросаны корпуса – выкрашенные в голубой цвет деревянные домики с белыми наличниками и просторными остеклёнными верандами. От каждого корпуса узенькие тротуары стекались к одной широкой дорожке, мощённой квадратными плитками, между швами которых пробивалась трава. Дорожка вела прямо к крыльцу столовой, а вдоль неё зигзагом выстроились стенды с портретами пионеров-героев, разворотами «Пионерской правды», цитатами вождей и девизами вроде «Пионер – всем пример», «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Рядом со столовой – просторная дощатая площадка, окружённая скамейками и обнесённая низеньким заборчиком. С краю площадки – сцена, на которой сиротливо стоял выдавший виды стол.

«Тут проходит дискотека», – пронёсся шепоток.

Сразу за жилыми корпусами – небольшой беленький домик, над дверью которого виднелась табличка «Медпункт». Чуть дальше – единственное на весь лагерь кирпичное здание без окон и с двумя дверями с разных сторон.

– Это баня, – пояснила Антонина Иннокентьевна, как будто они сами не могли прочесть вывеску. – Но строго говоря, это не баня, а душевая. Банный день у нас раз в неделю по субботам. А утром умываться вон там, кто не знает. А там – мыть ноги.

Ира проследила за рукой воспитателя и увидела два длиннющих ряда умывальников, к которым от бани-душевой тянулась тонкая ржавая труба.

Умываться на улице?! Это же каменный век! А если дождь?

– Это клуб, – продолжала знакомить с лагерем своих подопечных Антонина Иннокентьевна, – тут для вас работают разные кружки. Шахматы, выжигание по дереву, театральный, макраме, радиотехнический кружок. Здесь у нас проходят мероприятия: смотры песни и строя,

конкурсы самодеятельности, а когда привозят фильмы, устраиваем настоящие киносеансы. Там же есть библиотека и склад с инвентарём. Мячи, ракетки для бадминтона... ну и так далее. Можно брать под запись.

Ира про себя чертыхнулась. Конкурсы самодеятельности? Смотры? И тут? Будто ей в школе мало!

За клубом простиралась огромная вытоптанная поляна, разбитая на несколько площадок. Ближняя была обнесена по периметру белым невысоким штакетником. За забором с краю прилепился небольшой помост, а в центре – гордо возвышался флагшток.

– Здесь будет построение, а по утрам – линейка.

Дальше шла спортивная площадка, оборудованная баскетбольными стойками с щитами, а рядом – точно такая же, но с натянутой волейбольной сеткой. Ещё дальше виднелись перекладыны, рукоходы, лабиринты, качели-карусели и даже парочка теннисных столов, а чуть в стороне – футбольное поле.

– А вон там, – Антонина Иннокентьевна махнула вдаль, туда, где заканчивалось поле, где среди нежной листвы берёз виднелись два остроконечных сооружения, по форме напоминавших вигвамы, – туалеты.

Ира округлила глаза: деревянные удобства?! И это называется «отдохнёшь в прекрасном лагере»? – вспомнила она слова мамы.

– А теперь все в корпус, – повела их воспитатель к одному из крайних домиков. – Через сорок минут построение, не опаздывать!

И все наперегонки помчались занимать койки.

– Мальчики направо, девочки налево! – крикнула им вдогонку Антонина Иннокентьевна.

В тесном общем коридорчике образовалась сутолока – некоторые перепутали право и лево, что стало очередным поводом для хохота.

В конце концов, потолкавшись, разошлись по своим палатам. Койки у окон оказались нарасхват. Ира выбрала себе место у двери, на которое никто не зарился. Девочка с тонкой белой косицей заняла соседнюю койку, и общую тумбочку они поделили на двоих, загрузив в неё сменку, мыло, зубную пасту, щётки, расчёски.

– Я – Вита.

– А я – Ира.

Кроме них в палате было ещё одиннадцать девочек.

Ира сразу определила, какая из них будет строить из себя королеву и какие станут ей подыгрывать. Это сразу заметно по повадкам. Вон та с густыми каштановыми волосами чуть ниже плеч, Света, уже прибирает власть к рукам.

Ей и место досталось самое удобное – у углового окна в дальнем конце палаты, хоть она и не неслась к нему, расталкивая всех локтями, как некоторые. Как, например, вон та с мальчишечьей стрижкой и круглыми навывкат глазами (Ира про себя окрестила её лягушкой, хотя все звали девчонку Лидкой) – так мчалась, что чью-то тумбочку снесла. Но эту кровать уступила Свете. Сама. Заняла ту, что рядышком. Или здоровенная Гуля, у которой через плечо лежит длинная, чёрная как смоль, коса толщиной с руку. Она тоже толкалась, пробираясь к кроватям, но Свету пропустила вперёд.

И вот что в ней такого? Ведь она не кричит: «Я тут буду главная!», даже особо и не командует, во всяком случае, пока. Просто у неё это как-то само собой получается, и дело даже не в том, что она хорошенькая – Ира вообще-то тоже очень даже ничего – это какое-то внутреннее самоощущение, которое невольно передаётся другим. Сколько они вместе? Около трёх часов в автобусе и двадцать минут здесь, а девочки уже вьются вокруг, негласно принимая её лидерство. И в глаза заглядывают, и поддакивают каждому слову. Видать, не только Ира интуитивно поняла, кому здесь доведётся блистать, но и все остальные, и теперь льнут поближе.

Ну, не все, конечно. Вот эта Вита непонятно почему уцепилась за Иру. Может, трусит к ним соваться? Вдруг они почувствуют в ней слабинку, даже не вдруг, а наверняка, и будут поклёвывать, изводить насмешками. Они уже сейчас посмеиваются над двумя: толстушкой и длинной девочкой в очках, которым тоже захотелось прибиться к «королеве».

– Сонька, – обратилась Лидка к толстушке, – вы так смешно смотрелись, когда шли рядом с Витькой! Прямо Пятачок и Винни-Пух.

Девчонки так и покатались. Как следует разглядеть мальчишек из своего отряда Ира не успела, но этого Витю заметила – мелкий, ниже всех в отряде. Ира даже подумала поначалу, что он забрёл к ним по ошибке.

– К вашей парочке ещё бы Динку, – Лидка ткнула на высоченную девочку в очках, – она же вылитый Кролик!

Снова хохот.

– Девчонки, а как вам наша воспитатель? Антонина, как там её...? Антенна, короче...

– Точно! Антенна! – охотно подхватили остальные новое прозвище.

– По-моему, так себе, – скривилась Света, – но бывает и хуже. Вот в прошлом году я ездила в «Дружбу», так там у нас была просто зверюга. А с этой ничего, жить можно... если не нарываться. А интересно, кто у нас вожатый? Хоть бы парень, а то...

Стук в дверь оборвал её на полуслове, и тут же в палату, как по заказу, вошёл вожатый. Деловитый и серьёзный, даже суровый. Чуть выдавил приветственную улыбку и опять свёл брови.

6

– Привет, девчата. Будем знакомиться. Меня зовут Денис.

Девчонки переглянулись, хихикнули – вожатый был хоть и серьёзный, но симпатичный, похожий на Олега Стриженова в молодости. Затем по очереди назвались. Первой – Света, последними – Ира и Вита.

– Скоро будет построение. Готовы? Галстуки у всех? – Денис строго осмотрел девочек. – Хорошо. Потом мы, конечно, как следует всё обсудим, устроим собрание отряда на веранде, ну а пока самое важное.

Денис на миг замолк, чтобы собраться с мыслями.

– В общем, так. Думаю, проблемы никому не нужны, поэтому соблюдаем распорядок, дисциплину не нарушаем, слушаемся старших, в смысле, меня и Антонину Иннокентьевну, и всё будет отлично. А если вдруг что – чемодан в руки и до свидания. Да-да, в прошлую смену двоих отправили домой за нарушение дисциплины. Имейте в виду.

Он снова замолчал, давая переварить услышанное, затем уже мягче продолжил:

– Ну это я так, для профилактики. Теперь о главном. Нам надо будет выбрать командира отряда, определить, кто в какой кружок будет ходить, составить график дежурств. Видели возле столовой стенд? Не видели? Ну ничего, ещё увидите. Каждый вечер мы будем подводить итоги дня, а на том стенде будут вывешены результаты. Тот отряд, который заработает в течение дня больше всех звёздочек... в смысле, баллов... ну звёздочки у нас – это баллы... В общем, тот отряд будут чествовать на утренней линейке. А по итогам недели отряду-победителю вручат переходящий флаг. Его установят рядом с корпусом, чтобы все видели... Это очень почётно, – немного помолчав, вожатый добавил не без гордости: – В прошлой смене мой отряд два раза награждался флагом.

Денис перевёл дух, быстро взглянул на часы.

– Так, что же ещё? Будем дежурить в столовой, но позже, после первого отряда. Распорядок дня читали? Нет? Плохо. В восемь утра побудка, и бегом на зарядку. Отлынивать от зарядки нельзя, иначе провинившемуся – дополнительное дежурство в наказание, а всему отряду – штрафной балл. То есть минус одна звёздочка. Или даже не одна. Так что... сами понимаете. Потом утренний туалет и строим на линейку. Затем в столовую на завтрак...

Но договорить он не успел – из всех репродукторов разнеслись по лагерю бодрые перебивы горна. Тут же в палату заглянула Антонина Иннокентьевна:

– Готовы? Шагом марш на построение!

Вот уж, подумала Ира, радость так радость – смотреть, как долговязые парни, особенно из первого отряда, идут парами, как детсадовцы. Ну а вообще, обречённо вздохнула она, веселиться тут не от чего. Считай, почти целый месяц лета коту под хвост. Спасибо матери! Знала бы заранее, лучше бы с Юркой к бабушке в деревню поехала. Там, конечно, скучно, но зато свобода. А здесь...

Ира недоуменно поглядывала на светящиеся радостью лица ребят. Чему они радуются? Кому может нравиться такая муштра? Дежурства какие-то, штрафные баллы, звёздочки... Что за глупости? Ну ничего, решила она, если будет совсем невмоготу – сбегу. Трасса неподалёку, как-нибудь до города доберусь.

От невесёлых мыслей отвлекла Вита, ткнув в бок локтем. Ира так ушла в себя, что не заметила, как заиграл гимн, как к флагштоку подошла старшая пионервожатая и начала поднимать флаг, как все кругом, кроме самых маленьких, замерли, салютуя. Пока звучал гимн, все триста пионеров стояли недвижно, глядя на алый стяг.

Сразу, как закончилась линейка, Денис повёл их в медпункт на взвешивание.

– Стоим смирно, ждём очереди. Первыми идут девочки по две, – скомандовал Денис. – Кто пройдёт, никуда не уходит, ждёт остальных. После медосмотра – обед, затем сончас, а после сончас у нас запланирована экскурсия по территории лагеря.

Между тем, у медпункта уже толпился первый отряд. Их вожатый – худенький, мелкий, вертлявый, с чёрной лохматой головой – выглядел почти ровесником своих подопечных. Да и держался он по-простому, будто и не вожатый им, а ровня, закадычный друг. Шутил, заигрывал с девчонками, травил анекдоты, заразительно хохотал. Ребята называли его Павликом, и он их в ответ тоже звал по имени. Каждого. И когда успел запомнить?

Денис не такой, он – истинный комиссар, да ещё с какими-то солдафонскими замашками.

Ира вздохнула – поменяться бы с первым отрядом вожатыми.

Денис, глядя на Павлика, недовольно поморщился – он явно не одобрял такого панибратства. А, может, там была и личная неприязнь.

– А вы что здесь делаете? – сердито спросил он Павлика. – Сейчас наше время. Разве первый отряд не должен был пройти медосмотр до построения?

– А мы не все успели пройти, – беспечно ответил вожатый первого отряда. – Да не нервничай ты так, мы уже почти всё. Вон только два последних бойца осталось.

В медпункт входили-выходили парами по вызову. Очередь шла довольно бойко, и через пять минут весёлый вожатый первого отряда повёл своих «на разведку». Так он, смеясь, сказал. Ира невольно проследила взглядом, куда они пошли, в какой из домиков. Оказалось, в соседний с ними корпус.

– Кузнецова! Королёва!

Ира встрепелась, пошла на зов, а вместе с ней – Света. Как медичка крикнула? Королёва? Так ей сама фамилия велит изображать из себя особу царских кровей, хмыкнула про себя Ира.

– Снимайте обувь, вставайте на весы, – скомандовала женщина в белом халате. – Теперь к ростомеру.

«Так, Кузнецова... сорок четыре двести и... метр шестьдесят четыре. Королёва, сорок девять триста двадцать и... метр шестьдесят шесть», – продиктовала себе под нос фельдшер, записывая цифры в карточках.

Как только они вышли из медпункта, Свету тут же окружили девочки, даже толстая Соня и длинная Динка – как будто забыли, как недавно их обсмеивали.

После медпункта Денис велел идти мыть руки перед обедом. Мальчишки тотчас рванули наперегонки. У умывальников сию минуту образовалась толкучка. Ира стояла в стороне, молча наблюдая, как мальчишки и девчонки с визгом и хохотом пригоршнями брызгали друг в друга водой.

Вита топталась рядышком, боясь попасть под водный обстрел, хотя почти все целились в Свету. Та возмущалась, но Ира видела – ей нравится такое внимание.

«Детский сад!», – фыркнула Ира и отвернулась. И вдруг холодные брызги окатили её с ног до головы. Ира непроизвольно вскрикнула и отскочила.

Высокий мальчишка с тёмно-русыми волосами и модной причёской, точь-в-точь как у Александра Абдулова в «Обыкновенном чуде», поджимал пальцем кран, направляя в неё струю, и смеялся.

От неожиданности она не сразу нашла, что сказать, а потом было поздно – подошёл Денис, их вожатый, и строго всех отчитал, прекратив эти забавы.

С одной стороны, Ира негодовала – мокрый сарафан противно лип к ногам, а с другой – вопреки собственным доводам, ей вдруг стало приятно, что и её тоже облили. Точнее, облил. Симпатичный мальчишка из первого отряда. Самый симпатичный...

В столовой гвалт стоял просто невообразимый, несмотря на плакат «Когда я ем, я глух и нем», натянутый над окошком, куда самые шустрые уже сдавали пустые тарелки.

Ира без малейшего аппетита посмотрела на борщ, в котором таял крохотный островок сметаны, на макароны с котлетой и густой коричневой подливкой, на гранёный стакан с компотом из сухофруктов, прикрытый кусочком хлеба. На обед давали ещё и мятные пряники.

Она бы с удовольствием пропустила и первое, и второе, и сразу же взялась за компот с пряником, но между рядами ходили воспитатели и следили, чтобы все ели хорошо. Потому что к концу смены должен быть привес.

Через «не могу» она выхлебала борщ и склевала половину макарон. Хорошо ещё, что, пока воспитатель инспектировала другой конец стола, котлету удалось скормить сидящему рядом полному мальчишке.

– Я могу и компот с пряником, – с набитым ртом предложил он.

– Компот с пряником я и сама могу, – отказалась Ира.

За соседним столом Ира заметила среди мальчишек первого отряда того самого, темнорусого, который облил её водой перед обедом. Только теперь он не обращал на неё внимания. Да и зачем ему смотреть на Иру? У него в отряде и свои девчонки есть. Тем более они и сами с него глаз не сводят. Но все равно стало вдруг немного досадно.

Ира напрягла слух, пытаясь разобрать, о чём они так весело беседуют, но толком ничего не расслышала. Затем темнорусый обернулся и скользнул по ней взглядом. Сердце отчего-то дрогнуло, и Ира поспешно отвела глаза, злясь на себя. Что за глупости? Ей нет до него никакого дела!

7

– Жаловаться на Дениса грех, – Антонина Иннокентьевна отхлебнула горячий чай и поставила кружку на блюдце. – Мне с ним повезло – о таком водителе можно только мечтать. Серьезный, ответственный, исполнительный. Вот прошлым летом, помните, со мной работала водителем Люда – это ужас какой-то! Одна любовь на уме... и развлечения. Вино, мальчики, песенки под гитару, ну сами знаете... а утром её не добудешься. И вечно не знала, кто у неё где. Как ещё без чепэ обошлось, прямо не знаю. А вот Денис – другое дело, с ним я за детей спокойна.

– Да, молоток парень, – поддержала её пожилая фельдшерица. – Сегодня ваши у меня осмотр проходили. Так они как пришли солдатами, так солдатами и ушли. Никто не шумел, не хулиганил. Любо-дорого смотреть. Не то что у Павлика. Он сам, прости Господи, как мартышка, шепотливый и непоседливый. И дети с ним такие же. А тут дисциплина нужна... без дисциплины никуда... Подливайте ещё чайку, Римма Михайловна. Вот печенье.

Посиделки в медпункте за чашкой чая во время тихого часа стали местным обычаем. Правда, Римма Михайловна, старший воспитатель, редко участвовала в этих чаепитиях – вроде как не по статусу, всё-таки второй человек после директора лагеря.

А по большому счёту – даже первый. Директор, Пал Сергеевич, был хорошим хозяйственником, но все организационные вопросы целиком и полностью лежали на её плечах. Так что дел всегда было невпроворот, за всем нужно следить, везде успевать, но иной раз она не могла отказать себе в удовольствии отдохнуть полчаса от кипучей жизни лагеря. Да и новости изнутри как ещё узнать, если не за этими чайными беседами?

– Ну зря вы так про Павлика, – вступилась за водителя первого отряда Римма Михайловна. Ко всему прочему, Павел был ещё и её студентом – с сентября по июнь она преподавала научный коммунизм в институте иностранных языков, откуда и набирался почти весь водительский состав. И не просто студентом, но и любимчиком, хотя она даже сама себе в этом не признавалась. – У него свои плюсы. Он всегда полон идей. Дети его любят. А в прошлую смену его отряд победил в «Зарнице»...

– А нашему отряду досталось переходящее знамя, – заметила Антонина Иннокентьевна. – Дважды.

– Да, вы молодцы, никто не спорит. Просто у Павлика другой стиль водительства, не хуже и не лучше, просто другой. Главное, у него получается ладить с детьми, хотя со старшими всегда сложнее всего. А он вон как легко с ними общий язык находит.

– Да он не общий язык с ними находит, он разговаривает с ними на одном языке, потому что сам ещё из детства не вырос, – не уступала Антонина Иннокентьевна. – А водитель должен вести за собой. Должен воспитывать и наставлять. Учить чему-то...

– Антонина Иннокентьевна, миленькая, так он и учит, и ведёт. Просто он не впереди шагает, а рядом. А вот Денису, если честно, не мешало бы стать чуточку ближе к ребятам. Хотя бы время от времени менять менторский тон на товарищеский.

– Разве к работе Дениса есть претензии? – округлила глаза Антонина Иннокентьевна.

– Да что вы, нет, конечно. Он, и правда, ответственный и исполнительный, и всем нам спокойно, когда дети с ним. Но... вот вопрос, хорошо ли с ним детям?

– То есть?

– По моему наблюдению, подопечные Павлика всегда выглядят более... радостными, что ли.

– Да уж, что верно, то верно, – согласилась фельдшерица. – У Дениса все какие-то пришибленные, а у Павликовых – глаза так и сияют.

Антонина Иннокентьевна обиженно поджала губы, глядя на нее, как на предательницу. Сначала хвалила – солдатыками называла, а теперь – пришибленные.

– А знаете что, – задумчиво улынулась Римма Михайловна, – вот мы всегда поощряем отряды, которые в чём-то отличились, ребят выделяем, а про вожатых как-то забываем. А ведь каждая победа ребят – это и их заслуга. Поэтому предлагаю, давайте введём звание лучшего пионервожатого. Учитывать будем всё-всё: и дисциплину, и участие в мероприятиях, и победы в соревнованиях, конечно же... И пусть это звание будет не просто для проформы. А в конце третьей смены лучшему вожатому торжественно, на линейке вручим почётную грамоту...

– Ой, ну и зачем она им, грамота эта?

– Не скажите, Антонина Иннокентьевна. Такие вот грамоты очень даже учитываются при составлении характеристики. Далеко ходить не надо: вот у нас, например, в институте четверо третьекурсников в октябре поедут в Англию по программе обмена студентами. Сами понимаете, капстрана... Кандидатуры отбираются очень тщательно. И тут мало просто учиться на отлично, надо обязательно быть активистом, иметь безупречное личное дело и прекрасную характеристику. И вот здесь, уж поверьте, такие грамоты имеют очень большой вес.

Молодая женщина в очках, воспитатель шестого отряда и коллега Риммы Михайловны по вузу, которая до этого момента в разговоре не участвовала, подала голос:

– А у нас на кафедре сплетничали, что все места уже распределены. Говорили, что сначала хотели отправить гордость института Жданову, как раз вот этих двух наших звёзд – Павлика с Денисом – и Данилюка, очень умный мальчик. Но потом, как это у нас бывает, два места отдали блатным. Данилюка со счетов скинули – у него родственник на фарцовке попался. Жданову, конечно, не тронули. И место, получается, осталось всего одно. А отдадут его кому-то одному из этих двух парней. Кстати, Римма Михайловна, а вы ведь тоже в комиссии, ну... которая решает, кого послать?

Римма Михайловна её слов не подтвердила, просто промолчала, всем своим видом выказывая недовольство. Да, её включили в состав этой комиссии, но она предпочитала об этом не распространяться.

Неожиданно в окно всунулась чёрная вихрастая голова.

– Рим Михална, вы тут! А я вас повсюду ишу.

– Что тебе, Паша?

– Мы хотим с ребятами после ужина костёр организовать. Познакомиться поближе, а то им эти собрания в школе надоели. Да и зажимаются многие, а тут посидим, по душам поговорим. Можно?

– Это в лес, что ли?

– Ну да. На нашу поляну.

– Но это опасно!

– Да не переживайте так. Ничего ужасного не случится, гарантирую! Мы ж ненадолго, до отбоя вернёмся.

– Гарантирует он! – взвилась Антонина Иннокентьевна. – Ты ещё ребят толком не знаешь, неизвестно что от кого ждать. А если кто-нибудь сбежит?

– Ну если кто-то захочет сбежать, он и отсюда сбежит, – ухмыльнулся Павлик. Не думает же она, что дощатый забор, которым огорожена территория лагеря – неприступная крепость. – И потом, они мне слово дали, а я своим верю.

– Верит он! Когда надо, они что угодно пообещают... – не уступала Антонина Иннокентьевна.

– А где твои?

– Так вот они. Ждут вашей милости.

Римма Михайловна приподнялась и выглянула в окно – и правда, за спиной Павлика топтался первый отряд в полном сборе.

– Ладно, Павлик, я вас отпускаю, но с двумя условиями. Первое – чтобы до отбоя все были на месте, и второе – возьмите с собой на костёр второй отряд.

– Как второй? – выдохнула Антонина Иннокентьевна.

– А разве Денису не надо поближе познакомиться со своим отрядом? Да и надёжнее вдвоём.

Антонина Иннокентьевна спорить не стала, хотя идея с костром ей очевидно не нравилась.

– Пасиб, Рим Михална! – проорал довольный Павлик, и вихрастая голова скрылась.

Спустя секунду с улицы донеслось: «Комрадос! У меня две вести: хорошая и плохая. Хорошая – костру быть!». «Ура-а-а!» – тотчас прокатилось в ответ. «Плохая – идём со вторым отрядом и их вожатым, великим и ужасным Денисом Разуваевым. Бойтесь и трепещите!». Но плохую весть отряд Павлика встретил дружным хохотом.

– Зря вы, Римма Михайловна, – не удержалась Антонина Иннокентьевна, – потакаете Павлику. Да и у Дениса были свои планы на вечер.

– Какие? Собрание на веранде?

– Да. Надо было много вопросов обсудить, выбрать...

– Все эти вопросы он может обсудить и на костре. То же собрание, но в необычной обстановке. Я согласна с Павликом, дети будут чувствовать себя раскованнее. А чем быстрее они адаптируются, тем лучше. Да и веселее им будет.

– Они завтра на дискотеке успеют навеселиться.

Римма Михайловна поднялась из-за стола, ясно показывая, что разговор окончен. А уже через десять минут в её кабинет нагрянул Денис, мрачнее тучи.

– Римма Михайловна, нам обязательно идти на этот... костёр?

– А в чём дело, Денис?

– Но... мы должны были... по плану... вы же сами его согласовали!

– Денис, вожатый должен быть гибок и находчив – мало ли какие могут возникнуть обстоятельства.

– Но у нас столько вопросов на повестке... – Он зашелестел бумагами.

– Повестки, вопросы... ребята от всего этого в школе устали. Всё-таки у них каникулы,

– Римма Михайловна про себя улыбнулась: «Ну вот, уже говорю словами Павлика». – Денис, неужели ты, опытный вожатый, не сумеешь обсудить все вопросы без вот этих вот формальностей?

Он не ответил, только сдвинул брови ещё сильнее. Но и так понятно – пойдёт, как миленький пойдёт, хоть и через «не хочу».

«Не сумеешь» – эта та ниточка, за которую следовало потянуть, чтобы повлиять на Дениса.

Римма Михайловна давно поняла, как ему важно не ударить в грязь лицом, не выказать слабину. С Павликом они – небо и земля, хотя оба считаются лучшими студентами курса. Но если Павлику учёба даётся легко – сам он утверждает, что у него просто память такая феноменальная, – то Денис берёт звериным усердием.

То же и с общественными делами. Один – фонтанирует идеями и может запросто завести хоть целую толпу. Второй – идёт проторёнными маршрутами, но делает всё обстоятельно и добросовестно.

Денис – прекрасный исполнитель, ответственный и надёжный, хотя тоже порой вполне может организовать и повести за собой. Правда, механизм его работает иначе. Подавляет, а не вселяет энтузиазм, как у Павлика. Но такой уж он человек.

Вот и вожатство для него не летнее приключение, не веление души и не возможность немного подзаработать, как для других студентов. Для него это задача, которую надо выпол-

нить на отлично. Дети от Дениса, конечно, стонут, но к себе он не менее требовательный. Вообще, он далеко пойдёт. А скорее всего, будет партийным функционером.

Римма Михайловна не удивилась бы, узнав, что он и жизнь свою распланировал наперёд. Она читала его дело, когда обсуждали, кого отправить в Англию. Биография у Дениса безупречна. И школу закончил с золотой медалью. Да и в зачетке у него одни пятерки. Так что для него «не сумеешь» – это как вызов.

А на костёр идти не хочет, потому что между ним и Павликом извечная вражда – кто кого. Ещё с первого курса. И Павлик с его бьющей через край энергией постоянно наступает ему на пятки, а кое-в-чём даже опережает. А такие перфекционисты не выносят быть на вторых местах. Вот и злится Денис. Ну и ревнует наверняка. Всё-таки Павлика вон как дети любят, ходят за ним как выводок цыплят.

У Риммы Михайловны мелькнула мысль – может, этот костёр если их не помирит, то хотя бы немного сгладит острые углы. Но на всякий случай она предупредила:

– И, Денис, давайте без этих ваших... препирательств.

8

Всего полдня прошло, а Ира уже была готова взвыть от тоски. Экскурсия, обещанная Денисом, оказалась самым обыкновенным обходом территории, во время которой он лишь отчасти рассказывал, что здесь да как, в основном же – толковывал, что можно делать, а чего нельзя. И в основном, налегал на нельзя.

От всех этих правил, распорядков и норм поведения Ире хотелось бежать из лагеря прочь и без оглядки.

– Тебе здесь нравится? – спросила она шёпотом Виту. Та пожала худенькими плечиками.

Остальные же девчонки не сводили зачарованных глаз с этого зануды-вожатого. Но он, похоже, не замечал их взглядов. Даже Светиных. Впрочем, та не унывала или же просто не показывала виду.

Вот пацаны девчачьих восторгов явно не разделяли – кривились, ухмылялись, паясничали, но исподтишка, когда Денис не видит. А стоило ему повернуться, и все как один паиньки. Хотя нет, не все. Двое, Сашка с Сеней, пару раз фыркнули, почти открыто, а потом попытались потихоньку улизнуть, мол, они тут отдыхали прошлым летом, так что всё помнят и знают, но Денис заметил и велел вернуться. И отчитал их по полной программе.

Явно изнывал и тот толстый мальчик, который доел её обед. Ира узнала, что его зовут Юрой, как брата, правда, мальчишки беднягу уже наградили уймой прозвищ: и пузырем, и бубликом, и тушенкой, и жиртрестом. Он всё норовил присесть или хотя бы привалиться к чему-нибудь спиной, точно уработался до изнеможения. Остальные над ним посмеивались.

«Придурки», – буркнула Ира осуждающе.

Виталик, вполне симпатичное лицо которого портили россыпь прыщиков на лбу и слишком длинный, остренький нос, услышал её, хмыкнул и назло ей бротянул, показывая на вспотевшего на жаре Юру.

– Смотрите, у жиртреста уже жир течет.

Кто-то хохотнул. Денис оглянулся на шум, и Виталика, который только что кривился, будто в мгновение ока подменили.

В общем-то, все мальчишки напускали на себя серьёзный вид, стоило вожатому повернуться, но их серьёзность казалась ненастоящей. А вот Виталик выглядел таким искренним, внимая каждому слову Дениса, словно помыслы его чисты, а сам он сию секунду готов выполнять любые поручения вожатого. Прямо пионер с плаката. Если б Ира не видела Виталика минуту назад, она и впрямь ему поверила бы.

На полдник подошли к столовой минута в минуту, но двери оказались заперты – первый отряд, который дежурил по столовой, ещё не успел накрыть. Через окна, занавешенные тюлем, Ира видела, как они носились с подносами вдоль длинных столов, расставляя стаканы, а их вожатый стоял у раздаточной и взмахивал руками, словно дирижёр перед оркестром. Денис тоже его увидел.

– Клоун, – прошипел он под нос, но Ира услышала и с ещё большим интересом стала наблюдать за «дирижёром», который так очевидно раздражал их сурового вожатого. Но тут к нему подошёл тот самый мальчишка, и она сразу отвела глаза. И вообще отвернулась.

Наконец двери раскрылись, и ребята с радостными криками ворвались в столовую, будто неделю их не кормили. Полдник – коржик и какао – Ира снова отдала толстому Юре и выскользнула из столовой. В корпус возвращаться не хотелось. Что там делать в одиночестве? Что вообще делать в этом дурацком лагере?

Она бесцельно слонялась по утоптаным дорожкам мимо чужих корпусов, мимо подсобных построек, уходя всё дальше и дальше, пока не упёрлась в забор. Преграда так себе, пере-

махнуть – раз плюнуть, только вот за забором – лес. Насколько густой – не разглядеть. Доски забора подогнаны плотно, ни единой щёлки.

Ира старалась вспомнить дорогу, по которой они добирались в лагерь. Почти три часа ехали по трассе, затем свернули в пролесок и минут пятнадцать, а то и двадцать тряслись по просёлочной дороге, прежде чем выехать к воротам.

Если она перелезет через забор в этом месте, то окажется гораздо левее ворот. Огибать лагерь вдоль забора, чтобы попасть на дорогу – рискованно, могут увидеть. А идти наискосок через лес – страшно. Или не очень? День ведь ещё. Что может случиться? Зато потом она добежит до трассы, а там поймает попутку и к ночи будет дома. И тогда уж её никакими силами обратно в лагерь не затащат. Да и мать второй раз куда-то ее отправить теперь вряд ли рискнет.

Только вот чемодан...? Да чёрт с ним, отмахнулась Ира. В крайнем случае мать может и потом за ним приехать.

Идея была внезапной, безумной, но такой воодушевляющей. А мысль о том, что вечером она окажется дома, добавляла смелости и решительности.

Ира осмотрелась и, подпрыгнув, ухватила, за шершавые доски. Подтянулась, перекинула ногу и в следующую секунду уже сидела наверху. Точнее, лежала, прижавшись животом и щекой к верхней планке. Посмотрела вниз, по ту сторону. Прямо под ней рос куст. Хорошо, что не шиповник, подумала Ира и перекинула вторую ногу. Хотела повиснуть на руках, а там уж плавно приземлиться, но сорвалась. Грохнулась в заросли и угодила прямо в старую корягу – сверху, за ветками и листьями, её не было не видно. Нога подвернулась, и тут же острая боль пронзила от щиколотки до колена. Ира вскрикнула. Попробовала подняться, цепляясь за ветки, но встать на ногу было невозможно. Скуля от пульсирующей жгучей боли, Ира подтянулась к забору. И что теперь делать? Скакать на одной ноге до трассы? Или ползти? Так и дотемна она из лесу не выберется, а остаться на ночь в лесу... нет, только не это! Надо возвращаться в лагерь.

Ира попыталась ухватиться за край забора, но не дотянулась, а подпрыгнуть не могла.

«Чёрт! Теперь и обратно не попадёшь».

Лодыжка, между тем, начала отекать.

«Ногу я, что ли, сломала?», – испугалась Ира.

Придерживаясь рукой о забор, она попробовала сделать несколько шагов. Опиралась лишь на кончики пальцев больной ноги, и лишь на долю секунды, и сразу перемещала вес на здоровую, но всё равно каждый шаг причинял адские муки.

Поняв, что через забор ей никак не перебраться, Ира решила обойти территорию и сдать на милость сторожу, дежурившему на проходной у ворот. Только вот добраться бы! Ира оступилась и снова вскрикнула. Оглянулась и приуныла – ей уже плохо, а прошла от злополучного куста всего ничего. Вдруг за забором послышался шорох, затем одна доска со скрипом отъехала в сторону и в образовавшемся проёме показалась чёрная вихрастая голова. Вожатый первого отряда.

– Это кто тут у нас прячется? – спросил он, изумлённо глядя на Иру. Она в ответ лишь скривилась от боли. – Ранена? Ты из наших?

Она кивнула.

– Из какого отряда?

– Из второго.

– А тут как оказалась? Куришь, что ли?

– Я вообще не курю, – буркнула Ира.

– И правильно делаешь, – улыбнулся он и, кряхтя, протиснулся в щель. – Курить – здорово вредить. Тем более маленькая ещё.

Ира фыркнула.

– А что ты тогда здесь делаешь?

Вот привязался! Теперь наверняка доложит Денису и Антонине Иннокентьевне. Воспитателя она не боялась, а вот водителя... Он даже когда просто смотрел, нахмурившись, становилось не по себе.

Что, интересно, здесь полагается за попытку побега?

– Просто погулять хотела.

– Угу. Будем считать, что поверил. В первый день многим охота вот так погулять. Потом привыкают и ничего, желание гулять само собой отпадает. Вот увидишь.

– А вы сами зачем здесь?

– Да вот, – он засмеялся и, точно фокусник, небрежно взмахнул рукой, разжал ладонь и показал сигарету, – здоровью врежу. Слушай, давай вот что... Кстати, как тебя зовут?

– Ира.

– А я – Павлик. – Он пожал Ирину руку. – И прошу, без всяких выканий, ладно?

Ира кивнула. С ним перейти на «ты» несложно, он и на взрослого не очень-то похож.

– Давай договоримся так: ты возвращаешься в лагерь, и мы друг друга не видели?

– То есть ты не расскажешь Денису и...

– Пф-ф. Я – могила! Будь спок. Но только одно условие: больше никаких самоволок, договорились? Ты пойми: здесь очень легко заблудиться. Кругом лес. И вообще, сбегать только слабаки. Но ты не сбегала, я помню, ты гуляла. Но всё равно одна за забор не ходи, ладно? Пообещай! А если вдруг станет неважно – найди меня. Что-нибудь вместе придумаем. Договорились?

Ира кивнула.

– А это что у тебя? – Павлик присел на корточки. – Ого! Ногу, что ли, вывихнула? А не сломала?

– Не знаю, – страдальчески протянула Ира.

– Ну тогда перекур отменяется. Поковыляли в лазарет.

Павлик помог Ире влезть через дыру обратно, подхватил её за талию и повёл в сторону медпункта.

К счастью, обошлось без переломов и вывихов.

– У неё растяжение связок голеностопа, – сказала фельдшерица Павлику, как будто Ира несмышлёный ребёнок, за которого он в ответе. – И как это она так? Твоя?

– Нет, наша раненая из второго отряда. Просто шла и подвернула ногу, да, Ир?

– Угу, – кивнула Ира, стиснув зубы. Фельдшерица накладывала ей тугую повязку и не особо церемонилась.

– Да ничего страшного. Полежит тут немного с холодом и вернётся в корпус. Так и передай Денису, если спохватится.

– Ну ладно, Ириш, поправляйся давай! Мне к моим надо. – Павлик подмигнул ей и выскочил за дверь.

Боль, и в самом деле, понемногу утихла, особенно если не двигать стопой, но не век же лежать в медпункте. Ира осторожно поднялась с кушетки.

– Куда? – окликнула её фельдшерица, которая сидела в углу кабинета за столом, читала «Крокодил» и щёлкала семечки. – Лежи пока.

– Нет, мне уже лучше. У себя там лучше полежу.

Ступать всё ещё было больно, но Ира терпела. Прихрамывая, кое-как доплелась до своего корпуса и плюхнулась на кровать. Следом в палату впорхнула, хохоча, Света, следом – Гуля и Лидка. Увидев Иру, все трое тут же прекратили смеяться.

– А ты чего это разлеглась тут? – прищурилась Света. – Ты что, не слышала? Денис сказал, нельзя среди дня лежать на кроватях, только в сончас.

– Мне можно, – буркнула Ира. Объясняться перед ней не хотелось. Кто она такая? В конце концов, сама неужто не видит повязку на ноге?

– Да что ты? – Света удивлённо изогнула бровь. – Девочки, вы слышали? А ты у нас особенная? Никому нельзя, а тебе можно. А ну вставай! Правила для всех одни.

– Отцепись, – огрызнулась Ира.

– Ах так! Ну смотри.

Лидка дёрнула Иру за ногу, хорошо ещё хоть за здоровую. Света схватила её за руку и рывком потянула на себя.

– Руки уберите! Не трогайте меня! – закричала Ира.

– Что здесь происходит?

В дверях стояла Антонина Иннокентьевна.

– Она... – Света ткнула пальцем в Иру, – лежит.

– Ну и что?

– Так нельзя же! Денис сказал, весь отряд потом накажут.

– Не волнуйтесь, не накажут. У неё нога болит. Ей разрешили. Идите на веранду, там Денис всех собирает.

Наконец, Иру оставили в покое. Она свернулась калачиком, закрыла глаза.

С улицы доносились голоса: строгий – Дениса, воркующий – Светин, слащавый – Виталика. Ире было абсолютно без разницы, что они там обсуждали. Не слышать бы их и не видеть, никогда.

С этими мыслями Ира незаметно уснула, да так крепко, что её едва добудились на ужин. Есть совсем не хотелось, а хромать у всех на виду не хотелось ещё больше. Но Антонина Иннокентьевна велела идти, ещё и Виталика ей в провожатого назначила.

Когда шли в столовую, Света шипела в спину:

– Как лежать, так больная, а как кушать, так вчистила. Хромоножка!

Виталик, что послушно плёлся рядом, прыснул, и Ира выдернула руку:

– Сама дойду.

На ужин давали плов. Совсем не такой, как, бывало, готовил отец, но всё-таки плов! Её любимое блюдо. Так что на этот раз Юра, который по привычке пристроился рядом, остался без дополнительной порции.

Ира с аппетитом уплетала рис с мясом и... чуть не поперхнулась, когда Павлик, сидевший со своими за соседним столом, вдруг заметил её и, приветливо улыбнувшись, помахал рукой. Почти весь первый отряд как по команде повернулся в её сторону. И, конечно же, тот самый смазливый мальчишка поймал её взгляд. Ира тут же в смятении уткнулась в тарелку, но аппетита как не бывало.

Это небольшая сцена не осталась незамеченной и среди девчонок, которые начали переглядываться и перешёптываться. Ира буквально кожей ощущала их любопытство. Даже Вита округлила глазёнки:

– Ты что, знакома с вожатым первого отряда? Ого! О нем же тут легенды ходят, какой он классный...

Ира, чувствуя, как пылают уши, неуверенно кивнула. Хорошо ещё, что когда она смущается, краснеют только уши, которых под каре не видно, а не всё лицо, как у некоторых.

Денис тоже засек этот момент с Павликом. И почему-то он ему явно не понравился. Во всяком случае он сразу нахмурился и взглянул на Иру так, словно ее в чем-то заподозрил.

После ужина Денис сообщил, что вместо собрания будет костёр совместно с первым отрядом. Все обрадовались этой новости так, что даже забыли расспросить Иру, когда это она успела познакомиться с Павликом.

9

Римма Михайловна направлялась в столовую. Так у них было заведено – вожатые ели вместе с детьми, воспитатели и остальной персонал – после них. Встретив на пути Павлика в окружении ватаги ребят, многие из которых давно его переросли, Римма Михайловна вспомнила про костёр. Не слишком ли она опрометчиво поступила, позволив им эту вылазку в лес? Пусть и совсем рядом, в двух шагах, но всё же за территорией. Конечно, костёр они устраивают каждую смену, а то и не раз – дети всегда любят это дело. Но в первый же день... когда ещё неизвестно, кто на что способен, когда отряд толком не сплочён. В душе шевельнулось беспокойство. И ведь не отменишь же – несерьёзно идти на попятную, когда уже дала разрешение.

– Павлик, – позвала она вожатого.

– Бойцы! – весело скомандовал он. – Стройся в колонну по двое! Шагом марш! Встречаемся у ворот!

Парни и девочки с хохотом быстренько выстроились в две шеренги и бодро пошагали в сторону ворот.

– Паш, я ещё раз хочу напомнить: будь всё время начеку. И к десяти часам ребята должны вернуться в лагерь. Ни минутой позже. И... я, наверное, скажу ещё кому-нибудь из взрослых, пусть после ужина к вам присоединятся. Для надёжности.

– Как прикажете, Рим Михална!

Павлик отсалютовал и помчался догонять своих. Бежал не дорожками, а наперерез, так ближе. Вывернув из-за угла клуба, он едва не налетел на ту самую девочку, что сегодня днем подвернула ногу. Ира, кажется? Хорошенькая, глазастенькая, но какая-то уж слишком замкнутая. Растормошить бы. В её "гуляла" он, конечно, не поверил, но докладывать не стал. Иначе Денис ее со свету сживет. Пока у нее болит нога, она все равно никуда не сбежит, а там, скорее всего, привыкнет. Многие, по его опыту, в первые дни рвались домой, зато потом уезжать не хотели.

– Эй, я тебя чуть не сбил! У тебя, похоже, день сегодня какой-то травмоопасный. Кстати, как нога?

– Лучше.

Ира не соврала, ей и вправду стало значительно легче. Но всё равно ходила она пока медленно и заметно прихрамывая, поэтому сильно отстала от своего отряда.

– Вот и хорошо!

Павлику вдруг стало жалко эту угрюмую девочку, которая почему-то всё время одна. В каждой смене у него бывали такие, и он всегда старался ненавязчиво помочь им влиться в отряд и раскрыться. И получалось! Даже жаль, что она у Дэна – с этим брюзгой и буквоедом она может еще больше замкнуться в себе.

– А ты откуда и куда? – пристроился он рядом.

– На костёр.

– А! Точно! Вы же с нами... Стоп, а где ваши?

– Вперёд ушли.

– Да ты что? И тебя бросили? Отряд не заметил потери бойца?

Ира не стала рассказывать, что Вита хотела помочь, но она сама отказалась, потому что не очень-то ей хотелось на этот костёр. Зачем ему эти подробности? Он и знать не знает, кто такая Вита. Да и, скорее всего, ему и дела нет. Сейчас бросит напоследок что-нибудь бодрое-легкомысленное в своём духе и помчится, куда он там бежал. А Ира потихонечку, может, и доковыляет до ворот, а может, и нет. Может, найдёт по пути какую-нибудь лавочку и спокойно побудет в одиночестве.

Но Павлик никуда не помчался, а, вздохнув, взял её под руку.

– Пойдём вместе. Нам же по пути.

Ребята ожидали своего вожатого у ворот, томясь и вяло пререкаясь со сторожем, которого нервировала толпа «оболтусов» у проходной без присмотра взрослых. Завидев Павлика, все сразу оживились, засияли. Только на Иру взирали недоуменно. Особенно девчонки. Переглядывались – мол, а этой что здесь нужно? С чего вдруг она посягает на их Павлика? А вот мальчишки рассматривали Иру с явным любопытством, зато она старательно избегала смотреть в их сторону – ведь среди них тот самый, темнорусый, от которого ей почему-то не по себе. Даже сейчас, не видя его, а всего лишь зная, что он рядом, Ира чувствовала, как к лицу приливает жар.

Выйдя за ворота лагеря, они прошли метров сто по лесной тропинке и выбрали на поляну, в середине которой большим пятном чернело кострище в кольце из брёвен и чурбачков. Как сказал Павлик, это посадочные места.

Второй отряд хлопотал повсюду: собирали хворост и сучья, укладывали конусом на выжженное пятно. Но, увидев Иру под руку с чужим вожатым, на миг застыли. Потом Света повернулась к Гуле, Лидке и остальным девчонкам.

– А удобно Кузнецова устроилась. Правила для неё не писаны. Делает, что хочет, а мы тут работаем...

– Нехорошо, комрадос, – оборвал Свету Павлик, – бросать раненого товарища на дороге.

Лицо Дениса вмиг окаменело. Он смерил Иру ледяным взглядом, не сулящим ничего хорошего, а потом подошёл вплотную к Павлику и прошептал:

– Ловкий ход.

– Ты о чём? – усмехнулся Павлик.

– Ты знаешь, – процедил Денис.

– Знаю что?

Но Денис лишь стрельнул в него колючим взглядом и вернулся к своим. А Ире вдруг стало стыдно. Не перед Денисом, перед Витой. Как-то нехорошо получилось.

Наконец, разожгли костёр. В синеющее небо, разбавленное на горизонте багрянцем заката, взвились рыжие языки пламени. Ребята расселись двумя полукругами, отряд напротив отряда. Толком ещё никто никого не знал, а напряжение уже чувствовалось между ними, словно негласная вражда вожатых передалась и им. Передалась и сплотила друг против друга. Они – и те, и эти – команда, они вместе. И только Ира ощущала себя будто на обочине, ни там, ни тут. Хронический отщепенец. Единоличница.

Нет, не поэтому, подумала Ира, просто она не могла вот так, по какому-то неведомому сговору ополчиться против Павлика и его отряда. И если уж совсем честно, то Павлик ей нравился гораздо больше, чем хмурый, недобрый и надменный Денис.

Одна из девочек первого отряда сплела Павлику пышный венок, который он тут же нацепил на голову, осыпав девчонку благодарностями. В венке он стал выглядеть ещё моложе и задорнее.

Из кустов со стороны лагеря раздался шум: треск ломающихся веток, шелест листьев, приглушённые голоса. Один – женский, второй – мужской. Павлик поднялся, вскинул руки, будто сдаётся, и объявил перемирие:

– Денис Олегович, может, зароем на время топор войны, а? Хотя я лично с удовольствием вообще о нём забыл бы.

До чего же он классный, улыбнулась Ира. Не всякий может вот так задвинуть свою гордость подальше и первым уступить, предложить мир. Она бы так точно не смогла. И Денис, наверняка, тоже. Он и сейчас насупленно промолчал. Бирюк.

Ира отвернулась от своих. Лучше смотреть на костёр, но, главное, не смотреть наискосок влево. Там он – паренек, который её облил. Интересно все же, как его зовут?

Ира кожей и всеми нервными окончаниями чувствовала его присутствие и то, что он изредка на неё поглядывал, отчего уши её несчастные полыхали огнём. Может, и не поглядывал. Может, просто так она ему в поле зрения попадалась. В общем-то, с чего ему на неё смотреть? Вон как вокруг него щебечут девочки из его отряда. Ира уловила: «Вадик, а вы сегодня что обследовали?». Обследовали? Они о чём? Непонятно. Зато она теперь знала – его зовут Вадик. Вадим. Редкое имя. У неё нет ни одного знакомого Вадима. Это даже хорошо. А то ассоциации могут всё испортить. Начинаешь невольно сравнивать...

– О! Мы с Серёгой, – ответил, смеясь, Вадим, – искали склад и библиотеку.

– И как? Нашли?

– А как же!

– А мы искали баню!

Денис, услышав их реплики, криво усмехнулся:

– Это ты так экскурсию по лагерю устроил? Вместо того, чтобы всё показать, рассказать, объяснить, ты заставил своих самим искать, где и что находится? – обратился со всей строгостью он к Павлику, но тот в ответ лишь лучезарно и обезоруживающе улыбнулся.

На поляну вышли двое: Римма Михайловна и незнакомый парень, огромный, как шкаф. Павлик, не замечая гостей, чуть наклонился вперёд, хлопнул ладонями по коленям и весело воскликнул:

– Ну что, комрадос, начнём знакомиться? Знаете игру «Снежный ком»? Нет? Ну сейчас узнаете. Я – Павел ибн Сергеевич Давыдов.

Он повернулся к смешливому мальчишке, сидящему слева от него:

– Ты, Макс, должен назвать меня, а потом себя. Следующий за тобой так же – сначала меня, потом тебя и лишь затем себя. И так по кругу. Кто собьётся, тот начинает заново, но... сперва отработает осечку песней или танцем. Кто что умеет. Не могу, не хочу, не буду – не принимаются! А чтоб по-честному и чтоб запомнили имена, делаем два таких круга.

– А нас возьмете в игру? – Римма Михайловна подошла к костру.

– Оу, – Павлик подскочил с чурбачка, на котором восседал в своём венке-короне, точно царь. – Я вам даже свое козырное место уступлю. Присаживайтесь, уважаемая Рим Михална.

Он и олимпийку с себя сдёрнул, для неё постелил. Сам пристроился рядом на корточках, как и тот здоровяк, что пришёл с ней вместе.

– Итак, Римма Михайловна, старший воспитатель, – громко сказала она.

– Аркадий. Поплавок, – прогремел басом здоровяк.

Поплавок? Ира решила, что это у него фамилия такая. Всякие же фамилии встречаются. Порой и похлеще безобидного поплавка.

– Римма Михална, Аркадий, Павел, – продолжил Павлик.

– Римма Михайловна, Аркадий, Павел, Максим, – подхватил смешливый паренёк.

Подопечные Павлика довольно шустро перечисляли имена, последним называя своё, – они успели познакомиться за день. Но дальше сидели уже ребята из второго отряда. И вот тут-то и началась потеха. Имена путали, переставляли местами, спотыкались и... «отрабатывали осечку», как выразился Павлик. Сначала сбился Сеня, вышел в круг и под дружный хохот сплясал вприсядку.

– Давай на бис! – крикнул парень из первого отряда. Сеня сложил ему фигу, но снова сбился, и ему всё-таки пришлось повторить танец. Зато заработал аплодисменты.

Остальные «промахнувшиеся» пели. Фальшиво, но очень смешно. Им помогал, подыгрывая на гитаре, паренёк из первого отряда.

Приближалась Ирина очередь, и ей до смерти хотелось сбежать отсюда. Вряд ли она без ошибки перечислит теперь уже тридцать с лишним человек, а петь или плясать здесь, перед всеми, она уж точно ни за что не сможет. Скорее умрёт.

Она снова и снова лихорадочно повторяла шёпотом цепочку имён, лишь бы запомнить и не сбиться, когда настанет её черед. К счастью, запомнила. Оттараторила без запинки, как заученный наизусть урок, лишь на Вадиме голос-предатель слегка дрогнул. Но в конце она забыла назвать себя и после вереницы Саш-Серёж-Свет-Наташ выкрикнула просто: «Я!».

Все так и покатились со смеху. Даже угрюмый Денис выдал усмешку. Ира, умирая от смущения, добавила тихо:

– Ира.

К счастью, Павлик заявил, что это не ошибка, так что номеров с нее не потребовали. Все, кто сидел дальше, запинаясь на ком угодно, но Иру называли верно. Кроме Вадима. Когда подошла его очередь, он поменял местами Сашку с Сеней, пропел куплет из "Травы у дома", а во второй раз споткнулся именно на Ире. Дошёл до неё, на секунду замолк, а затем, глядя в упор и улыбаясь, произнёс: «Я!». Передразнил. Всем снова стало смешно, только Ира не знала, куда глаза деть. И уши эти чёртовы так и горели огнём под пристальным, насмешливым взглядом Вадима.

Когда второй круг знакомств завершился, Павлик еще какое-то время рассказывал разные забавные случаи из прошлых смен. Римма Михайловна порой поддакивала и смеялась, другие тоже хохотали на весь лес. Только Ира сидела в напряжении, следя периферийным зрением за Вадимом и слушая, как колотится собственное сердце.

Потом Римма Михайловна встала, объявив, что всё хорошо, но пора расходиться – скоро отбой.

– А прощальную песню?– шуточно возмутился Павлик.

– Ну если только прощальную, – улынулась Римма Михайловна и снова присела.

Павлик повернулся к пареньку с гитарой:

– Ну, Серёга, запевай!

– «Как здорово...»?

– Ты – маэстро, тебе решать.

И Серёга, тронув струны, запел, сначала несмело, но затем всё увереннее:

«Изгиб гитары жёлтой ты обнимаешь нежно,

Струна осколком эха пронзит тугую высь».

И тут уж подхватили все, даже Ира тихонечко подпевала:

«Качнётся купол неба, большой и звёздно-снежный...

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!».

10

Стрелка часов подбиралась к двенадцати. Ещё пятнадцать минут и полночь. Планёрка затянулась. Вожатые и воспитатели отчитались о том, как прошёл день, посетовали кто на что, обсудили мероприятия на текущую неделю, а теперь откровенно позевывали. Только Денис сидел прямой и собранный, словно ему неведомы никакие человеческие слабости.

– Ещё пара минут и расходимся, – объявила Римма Михайловна. – Я прекрасно понимаю, все сегодня устали, но первый день – самый сложный. Затем всё пойдёт по накатанной. Осталось последнее. Это касается вожатых. Мы решили, что будет правильно как-то по-особенному поощрить и вожатскую работу, поэтому в конце третьей смены выберем лучшего вожатого. Позже я сообщу какие критерии будем учитывать, но, в принципе, и так понятно. Главная заслуга вожатого – это активное участие и успехи его отряда. И вот ещё что, товарищи: никаких посиделок за бутылочкой вина. Замечу кого-нибудь... выпившим, пеняйте на себя. Письмо на службу или в институт обеспечено.

Этим предупреждением заканчивалась практически каждая планёрка, но вожатые всё равно втихаря собирались по ночам и попивали портвейн. Только Денис в подобных мероприятиях не участвовал – берёт репутацию, да и не тянуло его на подобное.

Возвращался он в корпус с Антониной Иннокентьевной. Жили они в соседних комнатах, настолько крошечных, что помимо узкой койки, тумбочки и платяного шкафа больше ничего не умещалось. С другой стороны стена отделяла каморку Дениса от палаты мальчишек, а за стеной комнатки воспитателя спали девочки.

Денис уже готовился воевать со своими – ведь наверняка не спят, а раз не спят, значит, делают то, что запрещено. Тем более костёр их раззадорил.

Но перед самым крыльцом Антонина Иннокентьевна вдруг остановилась, огляделась по сторонам и, взяв Дениса за руку, прошептала:

– Я тут кое-что узнала... Про поездку в Англию...

Денис непонимающе уставился на воспитателя. О чём она? Какая поездка?

– По программе обмена студентами. В октябре четверо из вашего института должны будут поехать в Англию. Два места уже отдали кому-то со связями. Одно – какой-то чемпионке.

– Ждановой, – кивнул Денис, все ещё не понимая, куда клонит Антонина Иннокентьевна.

– Да, точно, ей. А одно место отдадут кому-то из вас двоих. Либо тебе, либо Павлику из первого отряда. Пока не могут выбрать из вас двоих. Поэтому, сказала Римма Михайловна, будут смотреть ваши характеристики, потому что по успеваемости и всему остальному ваши шансы примерно равны. Так вот, звание лучшего пионервожатого она неспроста решила ввести. Она сама нам говорила. То есть теперь это будет не просто соревнование, но и шанс получить преимущество, понимаешь? Чтобы поехать в Англию. Я бы хотела, чтобы это был ты, Денис. И ещё – это строго между нами. Никто не должен знать.

Денис лишь молча кивнул в ответ. Непонятно – то ли он согласился с Антониной Иннокентьевной, то ли так поблагодарил за ценные сведения, то ли пообещал помалкивать, а может, и всё вместе.

Девчонки и не думали спать. Какой уж тут сон? Горячо обсуждали костёр, вожатых и мальчишек из первого отряда. Все сошлись на том, что свой вожатый красивее, зато у первого он – просто душа. Ну и мальчишки у них интереснее. Взрослее, во всяком случае.

– А у нас и смотреть не на что, – презрительно фыркнула Света. – Дети. Мелочь пузатая. А у них тот, который на гитаре играл, классный и этот ещё, ну который над хромоножкой подшутил. Как его? Вадим!

Девочки, соглашаясь, загудели, а Ира снова залилась краской. И от смущения даже не стала огрызаться на хромоножку.

– Вита, ты прости, – прошептала Ира, повернувшись на живот и вглядываясь сквозь прутья кровати в свою соседку. – Некрасиво получилось, но я не думала... я ему не жаловалась, честно!

– Кому? – сонно пролепетала Вита. Неужто она умудрилась уснуть в таком галдеже?

– Ну Павлу, их водителю.

– А-а, да я так и не подумала.

Ира немного успокоилась. Всё-таки Вита к ней добра, одна из всех, не хотелось бы её обижать. Ира повернулась на бок и свернулась калачиком, но Света тут же её окликнула:

– Эй, раненая, и давно это вы с Павликом знакомы?

Ира не ответила и даже не повернулась. Сделала вид, что крепко спит. Сама она раненая, в голову, зло подумала Ира, но связываться с такими – себе дороже.

По полу прошлёпали голые пятки, и кто-то грубо толкнул её в плечо.

– Что молчишь? Отвечай, когда тебя люди спрашивают.

Лидка. Угодить хотела королеве. Ира не умела с ходу придумывать остроумные ответы, вот она и молчала.

Лидка потрянула её ещё сильнее:

– Эй, оглохла, что ли?

Снаружи скрипнула дверь, затем послышались шаги в коридоре.

– Антенна! Лидка, да ну её. Быстрее в кровать!

И правда, через пару секунд в палату вошла Антонина Иннокентьевна с проверкой, но Лидка уже успела домчаться до своей койки, нырнуть под одеяло и притвориться спящей. Воспитатель постояла с минуту на пороге и вышла.

Ире казалось, она лишь закрыла глаза и тут же из репродукторов по всему лагерю прокатились бодрые звуки горна. Побудка. Даже не поверилось, что ночь уже прошла. Разлепила веки и тут же зажмурилась от яркого утреннего солнца.

Тишину наполнили крики. И понеслось! Её, совсем сонную, точно кружило в водовороте: зарядка, уборка кровати, утренний туалет, линейка, завтрак. Нога по-прежнему болела, и Ира никуда не поспевала. А на зарядке она и вовсе лишь руками неуклюже размахивала или стояла столбом, пока другие разминались.

Девчонки злились, ворчали, что из-за этой «хромой копуши» им звёздочек-баллов недодадут.

После завтрака и передохнуть толком не удалось – погнали всех на уборку территории. Ире, как больной, разрешили не ползать в траве, выискивая фантики, шелуху от семечек и прочий мусор. Ребята возмутились, Сашка с Сеней решили даже увильнуть от работы – раз «кому-то можно не убирать», но суровый и неприступный Денис, наблюдавший за ними, словно коршун с высоты, одним взглядом подавил бунт в зародыше.

Ира сидела в сторонке на скамье, чувствуя, как на неё злятся. Ну и пусть, уговаривала себя. Она же не виновата, что нога болит. Но всё равно было очень неловко, ощущала себя какой-то лентяйкой, хитрой притворщицей.

Первый отряд убирал свой отрезок неподалёку, и оттуда постоянно доносились взрывы хохота. Весело у них. А здесь – тоска смертная.

Ира тайком поглядывала в их сторону. Вадима нашла сразу – в чёрной футболке и синих джинсах. Высокий, но не дылда, гибкий, но не вертлявый. Говорила себе не смотреть, но всё равно нет-нет да украдкой бросала взгляд. В какой-то момент потеряла его из виду и, забыв об осторожности, начала крутить головой по сторонам. Нашла. Успокоилась и разволновалась одновременно. Мелькнула мысль: если бы она попала в первый отряд, то ей, возможно, и понравилось бы в лагере...

Во время тихого часа никто и не думал спать, хотя Света причитала:

– Ой, мои бедные ножки, мои ручки...

– У меня вообще спина не разгибается, – пожаловалась Гуля.

– И у меня, – подхватила Лидка, а затем и остальные.

– Надо было нам тоже сказать, что нога болит, забинтовать и сидеть себе прохладяться, да, девочки? – Это Света.

Но все, конечно же, согласились. А кто и не согласился – всё равно промолчали. Вита, например. В такие моменты она притворялась, что ничего не слышит или спит, или задумалась. Но Ира не обижалась. Они знакомы всего два дня, так с чего бы ей выступать против всех ради неё?

После полдника всех повели к реке купаться. Очередью по два отряда. Им, конечно, довелось идти с первым.

Ира, вытянув ноги, устроилась на смятой траве, среди чужих сланцев и полотенец. От реки веяло прохладой и запахом водорослей. С невольной завистью она наблюдала, как плескались девчонки, радостно визжа и поднимая столбы сверкающих на солнце брызг, как ловко ныряли мальчишки на спор, кто дольше продержится под водой, как на них кричали и ругались физрук с тем самым Аркашей – «поплавок». Теперь она знала, что «поплавок» – это вовсе не фамилия, а что-то вроде должности.

Ира старалась не смотреть на Вадима, хотя это было сложно. Словно неведомая сила так и тянула хотя бы взглянуть на него.

Потом рядом с ней на траву плюхнулся Павлик.

– Нога ещё болит? – спросил он сочувственно.

Она кивнула.

– Не расстраивайся, – улыбнулся он понимающе. – Всё равно вода – жуть какая холодная.

И он для наглядности содрогнулся и даже клацнул зубами.

По свистку физрука ребята стали выходить из воды, кто бегом, кто нехотя. Хватали свои вещи и как-то сами собой растекались на две группы. Два отряда. И Ира неожиданно оказалась в самом центре первого. Они, понятно, окружили не её, а Павлика. Смеялись, болтали, шутя подразывали друг друга. А ей стало неловко, как будто она нежеланный гость, заявившийся на праздник без приглашения.

Но хуже всего то, что Вадим присел совсем рядом, руку протяни – и можно коснуться его кожи, смуглой, покрытой пупырышками и капельками воды. Мокрые волосы завились колечками, черные ресницы слиплись, а в серых с темными крапинками глазах светилось счастье.

Ира почувствовала, как внутри все завибрировало от волнения. Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Уши полыхали так, что хоть спичку подноси – вспыхнет. Жаркий ком встал в горле, и не протолкнуть, не вздохнуть нормально. Наверное, спроси её в тот момент кто-нибудь хоть о чём, даже самом простом, она бы и слова вымолвить не сумела.

Сама на себя злилась, но совладать с собой не могла. Не смотреть на него! Не слышать! Не чувствовать!

Она закусила губу и опустила глаза, глядя на сцепленные пальцы. И даже они мелко дрожали. Вот уж дура, нечего сказать!

Отпустило её только тогда, когда Вадим вместе с другими мальчишками поднялся и направился в сторону корпуса.

Ира выдохнула и осмелилась посмотреть им вслед.

– Ладно, не сучай! – Павлик легонько шлёпнул её по плечу и вместе с девчонками тоже пошёл в корпус.

А Ира так и сидела, медленно приходя в себя, пока её не окликнул Денис.

Во время ужина Ира специально села не на своё привычное место, а напротив, спиной к столу первого отряда – боялась, что иначе и есть нормально не сможет. Это помогло мало.

Интересно устроен человеческий слух – о чём беседовали за её столом, Ира не слышала, зато чутко улавливала обрывки разговоров за соседним. Иногда она различала его смех, от которого по коже бежали мурашки и замирало сердце.

Лишь с третьего раза она поняла, что Вита её о чем-то спрашивает.

– Что? – переспросила Ира.

– Ты пойдёшь на дискотеку?

– Нет, не хочу.

– А я хочу... наверное. Только стесняюсь. Может, пойдём вместе? А то хочется, но одной как-то страшно.

Дискотека была после ужина. Ире, и правда, идти туда совершенно не хотелось – ей и в школе надоело стенки подпирать. Да и во время купания насмотрелась уже, как другие веселятся. Но Антонина Иннокентьевна не разрешила остаться в палате одной.

– Посидишь, – сказала, – музыку послушаешь.

Пришлось пойти.

11

Дисотека проходила под открытым небом. Над танцплощадкой натянули провода с разноцветными лампочками. Из огромных, с небольшой шкаф, колонок гремела АВВА.

Ира облюбовала скамейку подальше от грохочущих динамиков. Рядом с ней тотчас пристроилась Вита. И вообще, многие сидели, скромничали, хотя Павлик – он вёл дискотеку – активно призывал народ двигаться. Когда заиграла нестареющая «Хафанана» Африка Симона, танцующих резко прибавилось, но лишь только полилась всем знакомая, медленная и проникновенная «Hotel California», как снова все расселись кто куда.

В центре почти пустой танцплощадки осталось лишь несколько пар, медленно качающихся под музыку. Ира сразу узнала среди них Вадима. Он танцевал с высокой светловолосой девчонкой из своего отряда. Внутри неприятно, даже болезненно кольнуло, да так и осталось в груди острой льдинкой.

Захотелось немедленно уйти, нет, не просто уйти. Ире отчаянно захотелось исчезнуть из этого проклятого лагеря. Насовсем. Песня эта показалась мучительной и невыносимо долгой.

Голоса и смешки вокруг отдавались головной болью. Она не понимала, почему так плохо? Он ведь ей никто, она знает его всего два дня, да и не знает вовсе. Ничего о нем, кроме имени, не знает. Отчего же так больно, так до слёз обидно?

Выждав ещё пару песен, Ира потихоньку ушла. И плевать на наказ воспитателя. Пусть сама свою музыку слушает, если ей нравится. А Ира не хочет и не будет. И вообще, может, у неё голова разболелась.

Ира не думала, что уснёт, но неожиданно уснула, правда, ненадолго. Её разбудили вернувшиеся с дискотеки девчонки.

– Виталик тебя три раза приглашал, что бы это значило? – игриво сказала Лидка.

– И так понятно, – протянула Света. – Да надоел он. Маленький ещё. Жаль, что наш Денис не танцевал. Но зато Вадик из первого отряда классный. Если б только возле него не крутилась вечно та белобрысая дылда...

– А что он тебе сказал, когда вы танцевали? Я видела, он что-то шептал тебе на ухо.

– Всё тебе расскажи! – кокетливо засмеялась Света.

Вадим ещё и со Светой танцевал? С этой противной, жеманной Светой? В груди снова обожгло болью.

Почти до самого утра Ира проворочалась без сна, поэтому встала с трудом и еле-еле шевелилась. За завтраком она снова села к первому отряду спиной. Но всё равно подметила, что Света поздоровалась с Вадимом и очень ласково улыбнулась. Вот же хищница! Всех ей подавай на блюдечке.

Если раньше Света её просто раздражала как человек, надменный и избалованный, то теперь примешивалось нечто личное, тёмное, острое. Ира еле выносила её. Еле сдерживалась, чтобы не сказать какую-нибудь грубость.

И всё-таки не сдержалась. Во время тихого часа девчонки стали к ней цепляться. В основном, Лидка с Гулей, но, конечно же, с подачи Светы. Впрочем, цеплялись не только к ней. Досталось и толстой Соне, и длинной Динке, и тихой Вите, и всем остальным по чуть-чуть. А всё потому, что за уборку звёздочку вручили другому отряду, и Денис был очень недоволен. Прямо разозлился так, словно корову проиграл.

Света тут же стала искать виноватых, а эти две Светины подпевалы старались воздать им по заслугам. Когда они называли Иру хромоножкой и тунейдкой, она молчала, стиснув зубы. Когда унижали Соню и Динку под хихиканье Светы – тоже терпела, хоть и злилась. Терпение лопнуло, когда Лидка крикнула Вите: «Ты тоже еле шевелила своими заготовками. Вечно ходишь, как полудохлая. Так и хочется дать тебе пинка для ускорения» и, спрыгнув с койки,

изобразила походочку: руки по-цыплячьи прижаты к груди, сама вся скукожилась, голову втянула в плечи и пошла, трясясь, на полусогнутых.

– То-то тебя за глаза все зовут заморышем.

– На себя посмотри! – огрызнулась Ира. – Тебя все за глаза лягушкой зовут. А ты даже не лягушка, ты – жаба.

– Что?! Что ты сказала? А ну повтори!

Лидка подлетела к ней, точно фурия, готовая вцепиться, разорвать в клочья.

– Что слышала.

Если честно, то Ире стало немного страшно. Она сроду никогда не дралась, а вот Лидка, очевидно, была опытна в таких делах. Но не боли Ира боялась, а унижения. Быть побитой – стыдно. Стыдно даже при девчонках. А если об этом узнают другие: мальчишки, Денис, Павлик, Вадим... Ужас! Позор!

– А ну встала! – прошипела Лидка, нависнув над Ирой. – Я тебе покажу жабу!

Ира и охнуть не успела, как Лидка скинула её с кровати, прямо на пол. И подняться не дала – больно схватила за волосы. Спасла Вита. Заверещала что есть мочи: «Девочки, не надо!». И тут же в палату влетела Антонина Иннокентьевна:

– Это что ещё за фокусы?

Лидке ничего не оставалось, как вернуться в свою кровать.

– Что здесь произошло? Михайлова! Отвечай! Чем вы тут занимаетесь?

Лидка буркнула:

– Мы просто играли.

– Драться – это игра?!

– Мы не по-настоящему. В шутку.

– А как тогда по-настоящему? С топорами и дубинками? Кузнецова, что здесь произошло?

– Ничего, – буркнула Ира, у которой кожу на голове буквально жгло огнём после того, как Лидка Михайлова вцепилась ей в волосы.

Все до единой девочки подтвердили, что это была всего лишь игра.

– В таком случае, – изрекла Антонина Иннокентьевна, – это очень гадкая и вульгарная игра. И вам должно быть очень стыдно. Вы же девочки! Если я ещё раз замечу вас за чем-то подобным, доложу директору лагеря и вас выгонят с позором.

Когда воспитатель вышла, Лидка негромко сказала:

– Скажи Антенне спасибо, хромоножка. А то бы получила сейчас.

Иру так и подмывало снова ей огрызнуться, но ославиться на весь лагерь хулиганкой не хотелось, а уж ходить побитой и подавно.

Чёрт с ней, с этой Лидкой! А заодно и со Светой, и всеми остальными. Ей бы только недельку продержаться, а там родительский день. Приедет мама, и Ира непременно уприсит забрать её отсюда домой. Тем более нога вон болит. И тогда – прощай, муштра, прощайте, противные лица! И Вадим, тоже прощай...

Вечером Денис созвал всех на веранду. Сказал, что будет какая-то «свечка».

Ира понятия не имела, что это за «свечка», и заранее насторожилась. Она и сама не могла сказать, почему всё новое и неизвестное воспринимает в штыки, тогда как другие – с воодушевлением.

На веранде они расселись кружком прямо на полу, кто – вытянув ноги, кто – поджав их под себя, кто – по-турецки. Свет включать не стали, хоть и смеркалось. Посреди круга Денис поставил зажжённую свечку. И в янтарном полумраке обстановка неведомым образом стала совсем другой – лёгкой и доверительной.

Все затихли, слушая стрекот сверчков. И как по волшебству, каждый хоть чуть-чуть да раскрылся, вернее, стал самим собой, насколько возможно, конечно. Света – не жеманничала. Виталик – не строил из себя прилежного пионера, не ёрничал и никого не поддразнивал. Сашка с Сеней – не лезли на рожон. Вита и Витя, впервые за эти дни, не выглядели зажатými. Даже Ире стало на душе почти спокойно.

Затем Денис достал из кармана довольно пухлый конверт и сказал:

– В нашем лагере есть такая традиция: время от времени устраивать «свечку». Другими словами – вечер откровенных разговоров. О чём мы поговорим с вами на следующей «свечке» – можете придумать сами. Тема – любая. Предлагайте то, что интересно вам. А сегодня мы должны узнать друг друга поближе. Это не собрание, никто никого и ни за что здесь ругать не будет. И говорить можно что угодно. Но есть несколько непреложных правил. Первое: не врать. Второе: слушать друг друга внимательно и не перебивать. Третье: никто ни о ком не должен говорить ничего плохого. Только хорошее. Понятно?

– А что в конверте? – спросил Сеня.

– А в конверте лежат вопросы. Каждый из нас должен вытянуть бумажку с вопросом, зачитать вслух и честно на него ответить. Потом передать конверт соседу, и так – по кругу.

Ребята оживились, но правила соблюдали: если кто-то отвечал – все слушали, не мешали. Не фыркали и не посмеивались.

Денис начал с себя и вытянул вопрос: «Что ты больше всего ценишь в людях?».

– Честность и ответственность, – ответил Денис. Немного помолчав, добавил: – На таких людей всегда можно положиться.

Лидке пришлось раскрыть тайну, кто её кумир. Им оказался Николай Ерёмченко. Почему – толком объяснить не могла. Только вздохнула с восхищением: «Просто в «Пиратах двадцатого века» он был такой... такой!».

Света, сначала нехотя, но всё же поделилась своей заветной мечтой. Сказала, что хочет стать известной актрисой кино.

Застенчивая Вита на вопрос про самый счастливый день в своей жизни, робея, рассказала, как ходила с родителями в приезжий Луна-парк.

Ире достался вопрос, верит ли она в любовь с первого взгляда. Ира сама не знала, верит или нет, и пожала плечами. Все решили, что она стесняется, но не стали давить.

Юру спросили про друзей, много ли их у него, и он признался, что ни одного. На секунду повисла неловкая пауза, а Ире пришло на ум, что ей бы пришлось ответить точно так же, если бы этот вопрос вытянула она.

От грустных мыслей отвлёк Виталик, который зачитал вопрос, который выпал ему: «Поступок, которым ты гордишься». Он заговорил не сразу, вспоминал, наверное.

– Этой зимой, – начал он, – я ездил на каникулы в деревню к бабушке. Там есть озеро, куда мы с пацанами ходили кататься на коньках. Бабушка не разрешала, предупреждала, что тепло нынче и опасно. Но мы всё равно почти каждый день ходили, пока взрослые на работе.

Он помолчал. Никто его не торопил.

– Короче, нас было четверо. Я, Лёха и Серёга с младшим братом, Толиком. Тот в первый класс пошёл. Мы не хотели его с собой брать, он и на коньках-то толком кататься не умеет. Но Толик увязался, сказал, что матери наядбедничает, если не возьмём. Значит, катаемся мы, и вдруг лёд как начал трескаться... Мы скорее к берегу. Толик упал и ногу подвернул. Серёга кинулся к нему, взял на руки... Мы с Лёхой до берега почти добрались, тут слышим – шум, треск, крики. Обернулись, смотрим – оба, и Серёга, и Толик, провалились в воду. Держатся за лёд, кричат. Я... скинул коньки, лёг на живот и пополз к ним. Думал, Лёха со мной. Дополз до дыры, поймал Толика за воротник, кое-как вытянул. Он откатился и лежит, как неживой. Я стал тянуть Серёгу, а он тяжёлый, пальто намокло. Я кричу Лёхе: «Ползи сюда! Не могу один». Но потом всё-таки вытянул. Сам не знаю, как. Доползли потом до берега. Вижу – Лёха убегает.

Струсил, короче. От бабки мне влетело, конечно, по первое число, а потом и от родителей, когда домой вернулся, но...

– Виталик, да ты – молоток! – присвистнул Сеня.

– Да, ты – молодец, – согласился Денис. – Не струсил, не бросил друзей в беде. Это очень похвально.

– Ого, в нашем отряде есть свой герой! – подхватил Сашка то ли шутя, то ли всерьёз, но все остальные одобрительно загалдели.

Ире тоже стало неловко за то, что она так плохо о нём думала. Виталик, конечно, не подарок, и съязвить может, и обидеть – будь здоров, но в критический момент вон как показал себя. Ему даже похлопали.

Или «свечка» в целом, или именно рассказ Виталика, или все вместе как-то особенно подействовали на девчонок, так что после отбоя никто никого не задирал и не высмеивал. Девочки полушёпотом – чтобы не разбудить Антонину Иннокентьевну – продолжали делиться историями своих и чужих жизней. Ира ничего не рассказывала, но слушала с интересом.

Хороший получился вечер. Но это ничего значит. Она всё равно не останется в лагере. Вот только дождётся родительского дня...

12

Но мать не приехала. Ира настолько уверовала, что с ее приездом прекратится, наконец, эта каторга и она сможет вернуться домой, что в первую минуту даже глазам не поверила, когда увидела, как из автобуса вместе с чужими родителями выпрыгнул отец. Один.

Он нёс сумку. Наверняка, сладости. Но Ире даром не нужны были конфеты, печенье и пряники. Ей нестерпимо хотелось домой, но жаловаться папе, просить его о чём-то после того, как он предал их... ну уж нет.

Ира нахмурилась и сухо поздоровалась.

– Мама не смогла приехать, – виновато сказал отец. – Но в следующие выходные приедет обязательно.

Ира молчала. В следующие выходные! До них ещё дожить надо. А она не то что часы – минуты считала. Обидно стало до слёз. Еле сдержалась.

– Тут яблоки, пряники, конфеты шоколадные. «Маска», как ты любишь, – отец протянул ей сумку.

Ира молча взяла и даже спасибо от расстройства забыла сказать.

Остальные родители разбрелись со своими детьми кто куда. Только они вдвоём так и стояли у ворот.

– А ты всё такая же, – заметил отец, – угрюмая и молчаливая. Ты хоть с кем-нибудь подружилась?

Его слова почему-то вдруг уязвили Иру. Что значит – хоть с кем-нибудь? И тон этот его жалостливо-грустный. Как будто он сокрушается, что дочь у него какая-то не такая, хуже других, даже нормальными друзьями обзавестись не может.

– Подружилась, со многими, – с вызовом ответила Ира. – И вообще, мне пора идти. У меня дел много. Всяких.

– А с ногой что? – заметил отец повязку.

– Ничего страшного. Просто прыгнула неудачно и подвернула.

– Точно ничего страшного?

– Точно.

– Ну хорошо... а тебя не обижают? Тебе здесь нравится?

– Очень!

– Правда? – удивился отец.

Ира рассердилась еще больше. Вот зачем он так? Заранее считает, что она не может никому понравиться, что другие её не примут. Считает ее изгоем. Может, это и так, и ей действительно здесь плохо и никто ее не любит, но мать хотя бы надеялась, а он-то ей даже шанса не даёт. Крест поставил.

– Конечно! – звонко ответила Ира и даже скроила беспечную улыбку. – Ну всё, мне надо идти.

– Куда ты так спешишь? Ты все еще на меня обижаешься?

– Говорю же, у меня дела.

Ира развернулась и пошла в сторону корпуса настолько бодро, насколько позволяла нога.

Отец её не окликнул, он видел, как сильно дочь отдалилась. Да что там? Между ними – пропасть! И всё она врёт, про друзей и про нравится, он же знает её как облупленную. А врёт потому что замкнулась, отгородилась от него. Ничего не хочет – ни сочувствия, ни поддержки, ни советов. Ирина мама, которая вдруг разболелась в последний день, наказала ему: если ей там плохо, если будет проситься домой – забирай.

Но как «забирать», если дочь утверждает, что ей здесь нравится? А начнёшь расспрашивать – только ошетиниться, мол, не верит ей. И вообще, что бы он сейчас ни сказал, она всё воспримет в штыки. Потому что он для неё... предатель. А в её возрасте компромиссов и полутонов не признают.

Отец вздохнул. Даже полчаса не поговорили. Дела какие-то выдумала, сбежала. Ждать родительские автобусы он не стал, пошёл к трассе поймать попутку.

13

К слову, у Иры и вправду было дело. И важное.

Ей поручили обновить оформление столовой. Что-то там неожиданное приключилось с художником-оформителем, и в лагерь он не приехал. Вот Римма Михайловна и спросила, не попробует ли Ира свои силы. То есть не совсем так было.

Началось всё с того, что Павлик случайно наткнулся на Иру, когда она снова грустила в одиночестве. Её отряд тогда готовился к смотру песни и строя. Маршировать она не могла, потому сидела без дела в уголке, неприметная и ненужная. Никто и не обратил внимания, когда она вышла из зала, где они репетировали. Ира и в школе особенно нигде не участвовала, но там она не чувствовала так остро своей ненужности – мероприятия ведь проходили лишь время от времени, да и дом был отдушиной. А тут все – даже застенчивая Вита, даже толстый Юра и маленький Витя – вовлеклись в общее дело, где Ире единственной места не нашлось.

Вот она и забрела подальше. А тут вдруг Павлик появился словно ниоткуда.

– Привет! – он обрадовался ей как подруге. – Ты чего тут? Только не говори, что опять сбежать надумала. Мы ведь договаривались, помнишь?

– Да куда я сбегу, – улыбнулась Ира.

Ему она искренне обрадовалась. С ним одним она говорит запросто и с удовольствием, и почти на равных, хоть он и старше её лет на семь. Даже осмелилась спросить:

– А где твои?

Она с самого завтрака не видела Вадима, и ей очень хотелось знать, где он, что делает.

– С воспитателем. Песню к смотру разучивают. А меня отпустили на полчаса подышать. Ну а ты чего здесь скучаешь?

И Ира неожиданно для себя самой выложила ему, как ей тоскливо и одиноко, как попросту нечем заняться, как нелегко всё время сидеть в стороне, когда другие заняты и увлечены общим делом. А она словно пустое место, такая никчёмная и бесполезная.

Павлик выслушал внимательно, затем смешно надул щёки и шумно выдохнул:

– Эк тебя понесло. И всё же зря ты так! Сказала бы Денису, наверняка он что-нибудь бы и для тебя придумал.

– Что тут придумаешь? Там маршировать красиво надо, а я еле-еле ковыляю. А до этого соревнование с вашими по волейболу проходило, там тоже без ног никак. Ещё о какой-то «Зарнице» все твердят...

– Ну давай поразмыслим вместе. Вот что ты любишь делать, кроме как бегать, прыгать и маршировать?

Ира усмехнулась, потом задумалась.

– Рисовать люблю.

– Ну так это здорово! И хорошо рисуешь? – заинтересовался Павлик.

– Не знаю, – смутилась Ира.

– Пойдём, – вдруг позвал он её куда-то и снова руку подал, чтоб ей легче шагалось.

Они вернулись в клуб, где всё ещё шла репетиция. Под дружное: «Главное, ребята, сердцем не стареть. Песню, что сложили, до конца допеть...» они прошмыгнули мимо актового зала в боковую комнатку, совсем крохотную, где от двери до окна всего каких-нибудь два с половиной метра.

Почти впритык здесь уместились стол, два стула и узкий шкаф, покрытый облезлым жёлтым лаком, в углу – рулоны ватмана. Павлик по-хозяйски распахнул створки шкафа, забитого сверху донизу бумагой, коробками, баночками с кистями и мастихинами. Оглядел все это

добро, потом выдернул из неровной стопки чистый лист. Пошарил в большой жестяной банке из-под зелёного горошка с надписью Globus, достал карандаш.

– Вот. Сможешь что-нибудь изобразить на скорую руку?

Ира молча села за стол, придвинула к себе лист, разгладила примятый уголок, повертела в пальцах карандаш. Что изобразить? Она оглядела комнату. Ничего интересного. А она не могла рисовать так просто, ей надо было чувствовать интерес.

– Да необязательно вырисовывать. Просто сделай небольшой набросок. И сразу будет понятно.

– Хорошо, – улыбнулась Ира.

Вот же интерес – прямо у неё перед носом.

Павлик взгромоздился на подоконник по-турецки. В такой позе она его и изобразит.

Несколько штрихов, и вот уже на бумаге проступил овал лица, затем чуть оттопыренные уши, задорные вихры. Линии скул и подбородка заострились. Нос у Павлика коротковат, но на рисунке можно сделать его и немного длиннее – ничего, художник имеет права слегка приукрасить внешность. Теперь губы – их и приукрашивать не надо. Самое сложное – глаза. Вернее, то, что в них таится. Вот у него – любопытство, азарт, беспечность.

Ира любила рисовать эмоции, не всегда, правда, получалось, но выражение Павлика передать удалось. Немного теней. Готово.

Ира протянула рисунок Павлику, и он аж присвистнул:

– Да ты настоящая художница! Нет, честно. Можно я себе его заберу? На память.

– Конечно, – засмеялась Ира.

– Спасибо! Это мой первый в жизни портрет. – Павлик как-то по-новому оглядел её.
– И ты с таким талантом ещё и прибедняешься! Да тебе цены нет.

Вот так всё и получилось. Уже после обеда к ним заглянула Римма Михайловна и попросила помочь с оформлением. Только зря она Денису шпильку вставила, мол, не сумел под носом разглядеть талант. Тот и без того Иру крепко недолюбливал – она это чувствовала. А теперь и вовсе испепелил взглядом.

Но всё равно жизнь стала интереснее. Всё-таки быть полезной и нужной – очень приятно. К тому же ей дали ту комнатку в клубе, оформительскую, пусть тесную, но отдельную и очень светлую. Никто не мешает, не цепляется. Выдали ватман, гуашь, кисти – сиди себе и рисуй в своё удовольствие.

Ира и рисовала: довольные щекастые мордашки, уплетающие румяные пирожки и булочки, улыбчивых дородных поварих в белых колпаках и с поварёшками в руках, горы всевозможной снеди.

Так что чем слушать папины сомнения на её счёт, лучше она дорисует начатое. А там ещё за что-нибудь возьмётся. И уж как-нибудь протянет эту неделю. Тем более девчонки от неё отвязались, перестали задирать. В общем, терпеть можно.

14

Второй отряд ликовал, и было из-за чего: первое место за смотр песни и строя, да ещё и флаг достался им по результатам прошлой недели. И пусть накануне в турнире по футболу они проиграли первому отряду, флаг всё равно важнее и почётнее. Его вставили в кронштейн, вбитый в дощатую стену корпуса.

Вообще-то, флаг был совсем небольшой – скорее, флажок, но зато какая честь и гордость! Даже вечно хмурый Денис снизошёл до улыбки.

А Павлик с виду ничуть не огорчился, даже поздравил их радостно, правда, пообещал Денису, что через неделю флаг будет у них.

Однако прямо в понедельник у первого отряда случился крупный залёт: мальчишки ночью залезли через окно в палату девочек, а потом ещё и прятались в девичьих кроватях. Вообще-то такими вылазками грешили многие, даже младшие отряды. Но обычно пробирались к девочкам ради шуток: зубной пастой измазать или попугать страшными рассказами про какую-нибудь черную руку и гроб на колесиках. Но парни из первого отряда, по слухам, с девчонками целовались. И пойманы были у них под одеялами. Причем пойманы физруком, тогда как сам Павлик где-то гулял.

Во вторник на утренней линейке Римма Михайловна устроила им всем грандиозную выволочку, ругала и позорила, а потом пригрозила мальчишкам, что отправит домой за такое безобразие. Те лишь пытались изо всех сил сдерживать улыбки и казаться серьезными. Но явно считали себя какими-то бравыми гусарами.

Ире же было неприятно до горечи. Она украдкой взглянула на Вадима – как и все, он старательно и фальшиво изображал раскаяние. Наверное, к той «белобрысой дылде» лазал. Вон и она стоит, вся из себя довольная.

К ним в палату мальчишки тоже пару раз совершали набеги. Один раз ещё на той неделе. И этой же ночью опять забрались и тоже через окно. Как будто пример первого отряда подстегнул их на подвиги. Девчонки зашипели на них, но те уверили – просто поболтать. Но потом начали хватать девчонок за ноги через одеяло, и в палате поднялся визг.

Иру не хватало. И Виту. И толстую Соню, хотя та всё равно визжала, как будто хватала и её. Видимо, мальчишкам не всех было интересно пугать. И конечно, их застукала Антонина Иннокентьевна, разбуженная шумом за стеной. Разогнала всех и отругала, но ни директору лагеря, ни Римме Михайловне докладывать, конечно же, не стала.

Когда всё стихло, девчонки принялись обсуждать ночной визит.

– Ну что у нас за пацаны? – хмыкнула Света. – Детский сад, ясельная группа. Вот в первом отряде пацаны целоваться лазили.

– Правда? – встрепенулись девчонки. – А ты откуда знаешь?

– Мне одна девочка из их отряда рассказала. Кстати, та, белобрысая дылда, которая с Вадиком на дискотеке крутилась. Её Региной зовут. Я с ней, можно сказать, подружилась. На театральном. Надо же было узнать, что там у неё с ним.

Девчонкам тоже захотелось узнать про дылду с Вадиком, а заодно и кто с кем целовался. Иру же точно скрутило в болезненном спазме. Даже вдохнуть больно. И немедленно на глаза навернулись слезы. И что с ней такое? Никогда ничего подобного не случалось, даже когда ей Витя Кудряшов из параллельного нравился. Хотя он, конечно, не лазил к девочкам целоваться. Но тут просто как болезнь. Помешательство. И кажется, чем твёрже себе Ира приказывала забыть, не видеть, не думать, тем острее терзало её это непонятное, мучительное чувство.

– Да ничего такого, как я поняла, – отмахнулась Света. – Он, вообще, то с одной, то с другой. Но ни с кем ничего серьёзного.

– А целовался с кем? – спросила Гуля.

– Да там все со всеми перецеловались, – усмехнулась Света. – Они в бутылочку играли. Вот это, я понимаю, развлечение. Регина говорит, Вадик очень классно целуется. По-взрослому. Хотя... с нашими пацанами целоваться... фи...

– Ага, – подхватила Лидка, – представляешь, попадётся тебе этот жиртрест Юра. Бр-р.

– Я его Соньке передам, они друг другу подходят, – засмеялась Света. – Кстати, Сонька, ты-то чего визжала? К тебе же никто даже не подходил!

– Она за компанию, – захохотали девчонки, но сразу смолкли – на пороге снова возникла сердитая Антонина Иннокентьевна. Пригрозила, что если сию секунду не настанет тишина, завтра вместо купания продлит им тихий час. Девчонки понемногу уgomонились и затихли. А у Иры так и стучали в голове слова Светки: Вадик очень классно целуется... по-взрослому...

"Больше на него никогда не взгляну. Ни разу. Ни за что. Даже если вдруг подойдет и заговорит..." – клялась сама себе Ира.

15

Римма Михайловна размышляла: не напрасно ли она затеяла это соревнование на лучшего вожатого. Нет, идея встретила полное одобрение и персонала, и Пал Сергеича – директора лагеря, и особенно вдохновились сами вожатые. Все вместе разработали целый перечень критериев, по которым будут выбирать лучшего.

Прежде всего, это, конечно, показатели отряда. Здесь, во всяком случае, пока, вырвался вперёд Денис. Его ребята и первое место в смотре заняли, и за прошлую неделю флаг отхватили, и за эту, похоже, опять им достанется.

Хотя всё ещё может сто раз измениться. Вон на следующей неделе «Зарница», главное мероприятие смены. Там можно сразу кучу баллов заработать и за спортивные состязания, и за викторину, и за главное сражение. И, в итоге, всех обскакать.

К тому же кроме объективных цифр, они примут во внимание и личностные качества вожатого. Его находчивость, его авторитет среди детей и, конечно, его умение сплотить и создать душевную атмосферу в отряде. А тут уж бесспорный лидер Павлик.

И вообще, соревнование, по сути, получилось между ними двумя. Потому-то Римма Михайловна и терзалась сомнениями. Хорошо ли это? Не будут ли эти двое выгрызать победу друг у друга зубами? Уж слишком серьёзно оба к этому отнеслись.

Павлик хоть и старается не подавать виду, но заметно уязвлён и расстроен. Ну а Денис... для него эта победа – словно цель и смысл всей жизни. И всё это явно портит и так непростые отношения между ними. Но что ещё хуже – их отряды теперь воспринимают друг друга как врагов. Римма Михайловна сама слышала, как Виталик из отряда Дениса докладывал ему, мол, Ирка, которая рисует, уж слишком дружна с Павликом, а они ведь враги. И печальнее всего, что Денис никак его не поправил, не растолковал, что о вражде не может быть даже речи. И ещё эта "Зарница" чертова на носу...

Римма Михайловна очень не любила «Зарницы». То есть против самой идеи она ничего не имела: воспитание патриотизма в детях – дело, конечно, нужное. Но для нее это была, прежде всего, огромная ответственность.

«Зарницы» проводились за территорией лагеря. Они, конечно, старались всё предусмотреть и свести возможные риски к минимуму, но всегда оставался страх – вдруг кто-нибудь заблудится в лесу или угодит в яму и сломает себе что-нибудь, или же попросту покалечат друг друга. Они ведь, мальчишки эти, настолько вживаются в роль и с таким остервенением рвутся в бой с условным врагом, начисто забывая, что этот враг – всего лишь такой же мальчик из другого отряда.

Именно поэтому решено было «Зарницу» разбить на несколько этапов. Для младших и средних – викторина, эстафета, полоса препятствий и минное поле. А на следующий день – движение по азимуту и боевая часть со всеми этими штабами-лазаретами-боями для первого и второго отрядов.

Пусть уж лучше только старшие воюют между собой. Во-первых, пятьдесят человек в лесу – это не триста, уследить всё же легче. А во-вторых, они как-никак взрослее, а значит, разумнее и не станут безумствовать. Наверное.

Сами дети, конечно, от «Зарницы» в восторге, и многие ребята из отрядов помладше ужасно расстроились из-за того, что им не доведётся побегать с самодельными автоматами по кустам. Даже плакали некоторые.

Что же до первого и второго отрядов – так там, по словам Павлика и Дениса, подготовка шла полным ходом. Их подопечные учились разбивать палатки и вязать узлы, строгаги себе макеты оружия, девочки – те, которые пойдут в медсестры, – шили повязки. Физруку и Аркаше-поплавку поручили оборудовать в лесу два секретных штаба, где будут спрятаны

знамёна отрядов, и один генштаб, где будет заседать комиссия и где было решено устроить походную кухню.

С утра ребятам выдадут маршрутные листы, по которым они должны будут пройти все контрольные точки. А уж там, на последнем пункте, вручат карты, каждому свою. На них будет отмечено местонахождение их штаба, где хранится знамя.

Сначала ребята должны будут найти по карте свой штаб и поставить там часовых охранять знамя, затем часть бойцов – разведчики – отправятся на поиски штаба противника.

Тот отряд, что первым найдёт и сумеет захватить чужое знамя, считается безоговорочным победителем боевой части «Зарницы», даже если набрал меньше очков по числу «убитых и раненых врагов».*

(* прим. автора: в "Зарнице убитым считает противник, у которого оторвали оба погона, раненым - тот, у кого оторвали только один погон).

Но всё просто лишь на словах. Дерутся-то они вполне себе по-настоящему, с ожесточением, а не только рвут друг у друга погоны. Могут захватывать в плен и «пытать». Такое тоже проходили. Конечно, до совсем уж явных истязаний не докатились, но бывали нехорошие моменты. Пленным мальчикам выкручивали до нестерпимой боли руки или стегали по голой спине крапивой. С пленными девочками и вовсе вели себя по-свински. Пытались раздеть или сунуть под одежду мышь, паука или ящерицу.

Поэтому Римма Михайловна строго-настрого наказала Павлику и Денису, чтобы ни рукоприкладства, ни унижений не было. И чтобы всё проходило по-честному: в прежние «Зарницы» ребята жульничали, и девочки-медсёстры, наделав стопку лишних погон, пришивали их всем своим без разбору – и «раненым», которые должны были полчаа отсидеться в "лазарете", и даже «убитым», которые, по правилам, вообще должны были выйти из игры насовсем.

Последние игры Римма Михайловна поручала делать эти самые погоны для всех оформителю. Он же рисовал и карты, и маршрутные листы, чем сводила на нет такое жульничество.

Вот только этот самый оформитель их подвёл. Уехал после первой смены в город на пару дней, и с концами. Потом позвонил, сказался больным. Может, оно и так, но всё равно, как ни крути, подвёл. И столовую не успел дооформить, и вот теперь с «Зарницей» надо на кого-то лишнюю и причём немаленькую нагрузку повесить. А на кого? У всех и так, помимо текучки, дел под завязку.

Правда, Павлик предложил привлечь эту девочку из отряда Дениса. Мол, всё равно она со своей ногой не может участвовать в игре. При этом так страдает от своей бесполезности, что будет только рада помочь.

– Но она же, как бы это сказать, заинтересованное лицо, – возразила Римма Михайловна. – Нет мысли, что она может как-нибудь своим помочь?

– Как? – добродушно усмехнулся Павлик. – Лишних погон наклепает? Или сделает копию карты?

– Ну хотя бы...

– А мы с неё слово возьмём. Честное пионерское. Ну и растолкуем, конечно, что дело важное, серьёзное. Что никакой помощи, никаких подсказок с её стороны быть не должно. Кроме того, никто ведь об этом знать не будет. Ну там Денис и ребята из его отряда. Им не скажем, чтобы к ней не приставали, не подбивали, не давили. Рисует она в оформительской, туда никто и не заглядывает. Кто знает, чего она там рисует. Ну и оформительская закрывается на ключ, без неё никто туда не проникнет, а выносить с собой хоть что опять же строго-настрого ей запретим. По мне, она такой ответственности только рада будет. Ну и, если честно, я все же мало-мальски понимаю людей. Она не такая, не станет хитрить и врать. Хорошая, искренняя девочка.

– Ну не знаю, – с сомнением пробормотала Римма Михайловна.

– Да я за нее ручаюсь! И потом, кто, если не она? Никто так здорово рисовать не умеет. Да и не успеет уже.

– Ладно, Паш. Я подумаю, – начала сдаваться Римма Михайловна. – В любом случае, пока никому ничего не говори.

– Я – могила!

По правилам такие приготовления следовало поручать лицам нейтральным. Но их в лагере раз-два и обчёлся. И у каждого, действительно, своих забот невпроворот.

Римма Михайловна взвесила все за и против. Вздохнула.

В конце концов махнула рукой: «Господи, это ж всего лишь игра, а не чемпионат мира».

Иру она нашла на месте, в оформительской, та старательно выводила красной тушью: «Хлеб – наше богатство. Береги его!». Над аккуратной надписью красовался аппетитный каравай на расшитом полотенце. Рисовала девочка и правда очень талантливо.

– У тебя отлично получается, – похвалила её Римма Михайловна. – Ты – молодец!

Ира застенчиво улыбнулась, пробормотала смущенно:

– Спасибо.

– А у меня к тебе дело. Очень важное и секретное...

Дорогие читатели, ближе к полуночи по Мск выложу еще одну главу) Приятного чтения!♥#

16

Девчонки с азартом обсуждали грядущую «Зарницу».

Правда сначала все перессорились. Никак не могли решить, кто будет сидеть в лазарете, а кто отправится «воевать». Кроме полненькой Сони и тихони Виты, все отказывались быть медсёстрами.

– Их же три должно быть, – возмущалась Света. – Вот пусть хромоножка и будет третьей медсестрой. От не все равно никакого толку!

Ира молчала, на «хромоножку» отзываться она не собиралась. Но тут и Вита стала её уговаривать:

– И правда, Ир, давай ты тоже будешь медсестрой. Мы тебя начальником лазарета назначим. Да, Соня?

Света и её подпевалы прыснули. Ира, сделав вид, что не слышит их, повернулась к Вите:

– Нет, извини. Я вообще в «Зарнице» не буду участвовать.

– А почему? – не унималась Вита.

– Нога болит...

– А ты сидеть будешь! Палатку разобьют, и сиди себе, принимай раненых.

Ира молча покачала головой. Как тут объяснишь, если Римма Михайловна велела помалкивать?

Позже Денис внёс ясность: Кузнецова не участвует, потому что движение по азимуту для всех, и она этот этап не преодолеет. Так что Римма Михайловна освободила её от «Зарницы».

Денис же выбрал и третью медсестру – Гулю, хоть та и противилась, и возмущалась, и упрямилась, и даже плакала. Бесполезно.

Она потом подошла к Динке и елевым голосом соблазняла поменяться местами, как будто забыла, что все эти дни на пару с Лидкой и Светой дразнила её нещадно и дылдой, и шпалой, и доской.

Но Динка тоже как будто всё это забыла и уступила ей. К тому же Света подключилась, даже пообещала на дискотеку одолжить свою заколку – автоматическую, очень красивую, обтянутую темной кожей с вкраплениями прозрачных блестящих камушков.

Однако ничего не вышло: Денис всё равно не разрешил поменяться. Командиром отряда он назначил Виталика, а его заместителем Сеню, и даже пару раз уводил их с собой во время тихого часа, совещался. Наверное, делился военными хитростями.

Девчонки, сгорая от любопытства, допрашивали их потом, но те молчали по-партизански или отшучивались.

– Поцелуй, тогда скажу, – подмигнул Виталик Свете.

Как только его назначили командиром, он стал вести себя иначе. Ещё увереннее, даже нахальнее, и свысока.

– Фу! Дурак! – фыркнула Света. – Вот ранят тебя, и сам будешь себе погоны пришивать, да, девочки?

– А это уже измена, – прищурился Виталик. – А за измену... трибунал.

– Ой, как страшно, – ухмыльнулась Света.

Но Виталик смотрел на неё теперь без тени игривости, серьёзно и холодно, даже зло.

– Не страшно, говоришь? В таком случае я прямо сейчас поговорю с Денисом, чтобы тебя вывели из игры, потому что ты...

– Да ладно тебе, пошутила я, – Света старалась сохранить беззаботную улыбку, но было заметно, что она занервничала.

– Не советую так шутить, – сухо сказал Виталик, развернулся и вышел из палаты. У него и осанка стала прямее, и поступь тверже.

– Командир, – развёл руками Сеня, который сам, похоже, не ожидал такой резкой метаморфозы.

– Ну и беги к своему командиру, – сердито бросила Света. Беззаботной улыбки и след простыл.

Сенька помялся и вышел.

– Нет, вы это видели? – взвилась Света, как только за ним закрылась дверь. – У Виталика, по-моему, совсем крыша поехала.

– Зазнался, – хмыкнула Лидка. – Зарница ещё не началась, а он уже из себя главного корчит.

– А про трибунал он правду сказал? – озабоченно спросила Гуля.

– Не знаю, – отмахнулась Света. – Да ну его. Придурок.

Она была очень обижена. С ней явно никто так прежде не говорил.

17

Важное секретное задание Риммы Михайловны оказалось довольно скучным, но не сложным – сделать двадцать две пары синих погон и столько же зелёных. Тем более никакой военной точности от неё не требовалось.

– Я не разбираюсь в погонах, – в первый миг испугалась Ира. – Не знаю, как их рисовать.

– Никто от тебя этого и не ждёт. Придумай их сама. Главное, чтобы они были одинаковыми, только одни – синие, другие – зелёные. Ну и по паре надо будет сделать с двумя звёздами – это для командиров, и с одной звездой – для их заместителей.

Ира разложила на столе ватман и разлиновала его на ровные прямоугольники. Осталось раскрасить, а затем вырезать. Звезды она решила сделать из фольги и наклеить.

В дверь оформительской кто-то постучал. Точнее, стукнул раз и тут же открыл. Она подняла глаза и оцепенела.

На пороге стоял Вадим. Казалось, он, увидев её, удивился не меньше, но оправился первым.

– Привет, – улыбнулся он. – А я шахматный кружок ищу.

Ира от волнения соображала туго: сначала взгляд не могла от него отвести, даже дышать перестала, а потом уставилась куда-то в пол и, не поднимая глаз, буркнула:

– Шахматный кружок за стенкой. Соседняя дверь, слева.

– Ясно, спасибо, пока!

Вадим скрылся. И только тогда Ира выдохнула, тяжело опустилась на стул. Голова кружилась, точно её подбросило к небу на гигантских качелях и стремительно унесло вниз. Непонимающим взглядом она глядела на разложенный ватман и никак не могла прийти в себя, собраться, продолжить работу. И про свое обещание никогда с ним не разговаривать, не смотреть, не думать – даже и не вспомнила.

И вдруг неожиданно для самой себя Ира сдвинула в сторону баночки с гуашью, кисти, ножницы. Достала чистый альбомный лист и, время от времени прикрывая глаза, небрежными, торопливыми штрихами нарисовала... не портрет, нет, пока лишь набросок. Но очень узнаваемый. Высокий лоб, прикрытый небрежной чёлкой, тёмные волосы чуть длиннее, чем обычно стригутся мальчишки, большие глаза, в которых таятся смешинки, круглая ямочка на подбородке.

«Совсем спятила», – разозлилась на себя Ира, схватила рисунок, хотела порвать, но не смогла. Спрятала в шкаф. Зато морок прошёл, и головокружение отпустило, как будто, рисуя, она выплеснула эмоции, что затмевали разум и лишали воли. А теперь она успокоилась. Можно и к погонам вернуться.

На полдник Ира снова села спиной к столу первого отряда. На самом деле ей нравилось наблюдать за Вадимом, но издали, так, чтобы он не замечал. Но в столовой они сидели слишком близко, и она боялась, что не совладает с собой, что обязательно выдаст себя.

Умом понимала – думать о нём глупо, ведь после лагеря они больше никогда не увидятся. И уж тем более глупо нервничать, бледнеть и впадать в ступор только потому, что он случайно остановил на ней свой взгляд. Но ничего с собой поделать не могла. Думала, нервничала, бледнела, впадала в ступор.

Даже сидя к нему спиной, она не могла нормально есть, кусок в горло не лез. Казалось, теперь она ещё острее чувствовала его присутствие.

На одеревеневших ногах Ира доковыляла до окошка моечной, сунула пустой стакан из-под какао, развернулась и... практически уткнулась носом в белую футболку. Взглянула выше

и утонула в серых с тёмными крапинками глазах. Лёгкая растерянность в этих его глазах тотчас сменилась рвущимся наружу весельем.

– Ой, – выдохнула Ира.

– Авария, – широко улыбнулся он.

Она тотчас вспыхнула, теперь уже вовсе не уверенная, что щёки у неё никогда не краснеют. Слишком резко, слишком поспешно дёрнулась в сторону и, прихрамывая, заторопилась прочь. Голова снова кружилась так, что пришлось присесть на ближайшую скамейку. Вдох-выдох.

Теперь он точно решит, что она ненормальная. Ну почему, почему она так себя повела? Дурочка! Почему нельзя было улыбнуться в ответ и спокойно пройти мимо? А если он догадается, что она в него... Ира не решалась признаться в этом даже себе. Ей казалось, само слово «влюбиться» какое-то стыдное.

Как же ей хотелось с кем-нибудь поделиться! Излить то, что томило душу, стало бы легче, но... чем заканчиваются подобные откровения, она уже знала на личном горьком опыте.

Чуть придя в себя, Ира побрела в оформительскую, которая стала для неё в последние дни настоящим прибежищем. Тут никто к ней не привязывался, не дразнил, не старался уколоть. Никто не смущал, почти...

Ира вспомнила, как сегодня сюда заглянул Вадим. Она тогда тоже повела себя как ненормальная. Вот почему так, если влюбишься в кого-то, то становишься рядом с ним какой-то несуразной? Со всеми остальными ты обычный, а с тем, с кем хотелось бы, наоборот, блистать красотой, умом и обаянием, превращаешься в чёрт-те что.

До клуба оставалось шагов пятнадцать, не больше, когда она снова увидела его. Вадим вывернул из-за угла вместе с мальчишками из своего отряда. Они направлялись прямо ей навстречу.

Ира вдруг запаниковала. «Глупая, успокойся! Равнодушно пройди мимо!». Не помогло. Не раздумывая, она зачем-то вдруг развернулась и пошла в другую сторону.

«Как же глупо получилось!» – злилась она на себя спустя несколько минут, сама не понимая свой маневр.

«Но, может, я просто что-то забыла, вот и всё?».

Однако это было слабое утешение. Сделав приличный круг, Ира всё же добралась до клуба, на этот раз без неожиданных встреч.

На столе лежал лист ватмана с нарисованными погонями, как она и оставила. Синяя краска высохла, можно было вырезать. Затем приниматься за зелёные.

Римма Михайловна сказала, что к субботе-воскресенью они соорудят где-то там в лесу штабы и подготовят контрольные точки. Затем набросают схемы их расположений, а Ирина задача – оформить всё красиво и понятно. Чтобы была карта так карта, а не филькина грамота.

Насчёт условных обозначений сказали не переживать – всё покажут, всё объяснят. Однако Ира переживала совсем по другому поводу: она всерьёз собралась в воскресенье вернуться домой. Но успеет ли она сделать всё, что от неё ждут, до родительского дня?

Пусть даже она больше никогда не встретит ни Дениса, ни Павлика, ни Римму Михайловну, подводить их совсем не хотелось. Для них ведь это очень важно. Так важно, что Римма Михайловна велела ей держать всё в секрете. И даже позволила Ире не спать в тихий час, а рисовать.

Вообще-то Ира сама попросила, мол, вдруг не успеет. На самом же деле ей просто хотелось поменьше общаться со Светой, Лидкой, Гулей, которые в тихий час всю изошрялись в издёвках и насмешках.

Дверь снова приоткрылась. Ира вздрогнула и накинула на погоны чистый лист ватмана. В щель просунулась беленькая стриженная голова. Витя.

– Чего тебе? – недовольно спросила Ира.

– Н-ничего... – Витя весь сжался.

Ире стало неловко. Зачем она с ним так грубо? Его и так мальчишки в отряде шпыняют. Когда умывается – пинают. Когда идут в столовую – толкают. А девчонки смеются.

– Постой, – сказала она как можно мягче. – А ты чего тут? Кружки же днём идут. И вроде...

– Я очки на шахматах забыл, но там закрыто. Думал...

– На шахматах? Ты ходишь на шахматы?

Витя кивнул.

– А я не умею играть в шахматы. Даже не знаю, как ходят фигуры.

– О, это несложно выучить, – Витя сразу оживился.

Ире очень хотелось расспросить его про Вадима, ведь тот тоже говорил про шахматы.

– Мне сложно. У меня память плохая, и вообще я – чистый гуманитарий. А много вас ходит?

Витя почесал висок.

– Двое из третьего отряда, двое из четвёртого, потом один из пятого, и двое из шестого.

– А из первого, что ли, нет никого?

Витя уверенно помотал головой.

– А сегодня... – Ира обескураженно на него посмотрела.

– Ах да! – вспомнил он. – Сегодня приходил один. Вадим. Но он не будет ходить.

– Почему?

– Сам сказал.

– Почему? – повторила Ира, забыв про осторожность.

– Да он вообще первый раз пришёл. Как будто просто так забрел. И, по-моему, ему было скучно. И играть он не умеет.

Ира отчего-то испытала разочарование. Мысль, что Вадим в этот самый миг сидел за стенкой, приятно её волновала. А теперь, получается, он больше не придёт? Жаль. Впрочем, нечего жалеть. Через три дня она всё равно отсюда уедет.

– И вообще он какой-то... – Витя состроил гримасу.

– Какой?

– Не знаю, какой-то не очень.

– Много ты понимаешь! – вдруг рассердилась Ира.

И Витя поспешно ретировался.

18

На следующий день, в четверг, привезли фильм и после ужина в клубе устроили кинопоказ. Первыми рассадили младших, затем – по старшинству, и в конце стало ясно, что мест на всех не хватает. Кто побойчее – сумели пристроиться, но ленивые и застенчивые остались на ногах, сгрудившись у сцены.

Ира и не думала рваться к сиденьям. Встала с краю, поближе к дверям, чтобы можно было незаметно улизнуть, если кино окажется скучным или про войну. Здешние «старички», те, что не первый раз ездили в этот лагерь, со знающим видом заявили, что чаще всего сюда привозят чёрно-белые военные фильмы.

В зале тут и там спрашивали, что будут показывать, шутили, посмеивались, воспитатели прикрикивали на расшумевшихся ребят, грозились вывести вон. Наконец, погасили свет, и сразу все смолкли. За спиной застрекотал кинопроектор, и на экране появилась знакомая скульптура рабочего и колхозницы, а затем заиграла весёлая песенка: «Точка, точка, запятая, вышла рожица смешная. Ручки, ножки, огуречик, появился человечек...». Нарисованный человечек вышагивал, плясал и ходил колесом. Кто-то рядом с Ирой прошептал: «Это мультик, что ли?». Но песенка закончилась, и началось самое обычное кино. Про школу.

Ира обрадовалась – ей нравились фильмы про школу, особенно про сверстников. Здесь героем был мальчишка, самый обычный, которого в классе хоть и не обижали, но сторонились. Вернее, даже не сторонились, а считали неинтересным, никчёмным, в общем, никаким. Не замечали, одним словом. «Как и меня», – невольно подумалось Ире.

И вдруг она остро почувствовала, что на неё смотрят. Обернулась и поймала взгляд Вадима. В темноте, разбавленной лишь светом от экрана, разобрать его выражение было трудно. Но Ира видела – он и не думал отвести глаза, когда она заметила его внимание. Он даже улыбнулся и, кажется, подмигнул. Ира вспыхнула и отвернулась, но уже через пару секунд её легонько дернули за рукав. Он!

Ира задохнулась, запаниковала.

– Места не хватило? – Его шёпот опалил ухо. – Давай я кого-нибудь из наших пацанов сгоню? Сядешь...

Но Ира рванула в сторону, протиснулась сквозь толпу ребят к выходу.

– Осторожнее! – недовольно зашипели на неё.

Она выскочила в маленький коридорчик и лишь там смогла перевести дух. В прохладном клубе ей вдруг сделалось невыносимо жарко. И тут дверь скрипнула.

Ира не оглянулась, она и так знала, кто вышел вслед за ней. Спиной чувствовала его приближение и до сумасшествия боялась обернуться. Сердце выпрыгивало из груди. Зачем, ну зачем она остановилась? Надо было сразу же уйти в корпус!

– Тебе что, фильм не понравился? – спросил Вадим.

Стоять к нему спиной и дальше было глупо. Но перед глазами всё плыло, а ведь она его даже не видела. Впрочем, какая разница? Она его чувствовала. Спиной, затылком, всеми нервными окончаниями. И это ещё мучительнее.

С трудом преодолевая своё дурацкое состояние, Ира глубоко вдохнула и повернулась. Но самообладания хватило лишь на то, чтобы коротко кивнуть, а в следующую минуту она уже выскочила из клуба и со всех ног помчалась в корпус. Пульс бешено стучал в ушах, а в голове вертелась единственная мысль – какой же душой она снова выступила! Бегство это идиотское...

Почему, ну почему она так себя ведёт? Тут уж не до «блистать», тут уж хотя бы не впадать в панику непонятную. Он ведь наверняка решит, что у неё не все дома. И Денис будет сердиться за то, что она сбежала из клуба. Впрочем, Денис волновал Иру меньше всего, он и так вечно недоволен.

На другой день во время зарядки, линейки и завтрака Ира старательно избегала даже смотреть в сторону первого отряда. Казалось, что Вадим её разглядывает. Но зачем бы ему? Что он мог такого интересного в ней найти? Или она всё придумала? Нафантазировала себе чёрт-те что...

Но нет – за обедом Вита, которая сидела напротив неё, выдала вдруг:

– На тебя Вадим из первого отряда всё время смотрит.

Ира чуть не поперхнулась супом. Всё время смотрит! Почему?! И ей что делать? Она и так после вчерашнего полночи уснуть не могла – раз за разом вспоминала его слова, его голос, его глаза.

Всё это смущало, выбивало почву из-под ног. И в то же время, в глубине души – впрочем, не так уж и в глубине, – Ира ликовала. Глупо, конечно, надеяться на что-то. Наверняка он смотрит, потому что она странная. То есть она, конечно, не странная, но со стороны только так и можно подумать. И всё же так хотелось надеяться! Так приятно было помечтать!

Этим Ира и занималась, сидя в крохотной оформительской во время тихого часа. И так ушла в свои грёзы, что не заметила и не услышала, как приотворилась дверь. Она думала о Вадиме, мечтательно глядя в окно и глупо улыбаясь, и вдруг краем глаза уловила какое-то движение. Оглянулась – он! Вадим! Стоит себе, прислонившись спиной к стене, руки держит в карманах джинсов, и улыбается. Преспокойно так, будто они с Ирой давние хорошие знакомые.

Ира сначала вздрогнула от неожиданности, а потом почувствовала, как изнутри поднимается к шее и выше уже знакомый удушающий жар, от которого деревенеют язык и губы и будто впадает в спячку мозг. Хорошо, что она сидит, потому что ноги тоже онемели. Ира спрятала под столешницу руки, чтобы Вадим не увидел, как они мелко-мелко задрожали.

– Привет, – сказал Вадим, не переставая улыбаться.

Ира хотела поздороваться в ответ, но с непослушных губ сорвался лишь хриплый шёпот.

Зачем он пришёл? Ведь шахматы будут только в четыре. И он, как сказал Вита, больше туда не собирался ходить. Да и вообще сейчас тихий час!

И тут Вадим вдруг шагнул вперёд и наклонился к ней, упёршись обеими руками в стол. Ира инстинктивно отпрянула. Что он творит? Зачем он так близко?

– Слушай, а чего ты от меня всё время бегаешь? – в серых глазах плясали задорные смешинки. – Я не кусаюсь. Можешь меня не бояться.

Вот так заявочки! Ира вовсе его не боялась, а... А вот что – она и сама не знала. Сама не понимала своей реакции. И что самое обидное, ничего с собой поделать не могла!

Но Вадим, к счастью, отступил от стола к стене. Уже легче. Ира даже смогла выдать, заливаясь краской:

– Ничего я тебя не боюсь.

– А почему бегаешь тогда? – Казалось, он сейчас рассмеётся.

– Ничего я не бегаю.

– Да ну? А у клуба...

Только не это! Только не надо перечислять, где и когда она повела себя по-дурацки. Ей и просто помнить это мучительно, а ещё обсуждать вслух... Да с кем? С ним! Нет уж!

– Я... я просто спешила. – Ира опустила глаза.

– А-а? Ну ладно тогда, – сказал он легко. – А то я уж было расстроился...

Ира удивлённо воззрилась на него. Расстроился? Он? Почему?

– Думал, неужто я такой урод, раз от меня симпатичные девчонки шарахаются?

Ира смутилась ещё больше: это он её сейчас симпатичной девчонкой назвал?

– А куда ты так спешила, если не секрет?

Она растерялась.

– Ну так... просто... Денис велел... – пролепетала она.

Ничего правдоподобного в голову, как назло, не приходило.

– Ах, Денис! – И вдруг Вадим выпрямился, поджал губы и свёл брови к переносице, устремив на Иру непривычно хмурый взгляд. А затем не своим голосом произнёс точь-в-точь на манер Дениса: – Почему здесь такой непорядок? Карандаши вон разбросаны, листы лежат неаккуратно. И главное, почему тут посторонний? Да ещё и из другого отряда! Да ещё и в сончас!

Ира не выдержала и прыснула, а следом рассмеялся Вадим.

– Здорово у тебя получилось! Очень похоже.

– Да это я перепародировал с Павлика. Ты просто не видела, как наш вожатый вашего Дениса копирует. Вот это и впрямь умора! Он у нас почти любого может изобразить. Он вообще юморит постоянно. Ему точно на передачу «Вокруг смеха» надо, хотя нет, лучше в этот... в «КВН». Ты бы видела, как он пародировал Хазанова! Прямо один в один. Он многих так умеет.

– Да, повезло вам с ним, – улыбаясь, кивнула Ира.

– Ещё как! Он свой в доску. И весело с ним. И дискачи он здорово ведёт. Музон нормальный включает. Я прошлым летом в другой лагерь ездил, на море, всё там было зашибись. Удобства, например, не уличные, как тут, а нормальные, в каждом корпусе душ и туалет, откармливали просто на убой, но вот дискотеки... Нам там то Лещенко включали, то Кобзона, то еще какое старье. А то ли дело здесь, да? И это всё Павлик. У него такие записи есть – закачайся! Скорпов слышала? Нет? А Джима Моррисона? Тоже нет? Ну ты даёшь! Обязательно послушай, если будет возможность...

Вадим разговаривал с ней так запросто, что Ира почувствовала, как постепенно стихает дрожь. И язык уже не такой деревянный. Волнение, конечно, никуда не делось, но как тут не волноваться, когда он тут, совсем рядом, такой красивый, такой... солнечный, почему-то пришло на ум Ире. Наверное, потому что в глазах у него отражается солнце, ну и потому, что улыбка у него открытая, добрая, по-настоящему дружелюбная. Самая лучшая улыбка! И он щедро дарит её всем подряд.

– А что ты тут делаешь? Тихий час ведь, – осмелилась спросить она. Голос, правда, был какой-то не свой, надтреснутый. Но хорошо ещё что вообще был – полчаса назад Ира и вообразить себе не могла, что сможет сказать Вадиму целую фразу, связанную и осмысленную, причём глядя в глаза.

– Угу. Тихий час – для всех, кроме нас*. Да просто решил в гости заглянуть.

– Зачем? – тихо спросила Ира.

Он пожал плечами и опять обезоруживающе улыбнулся.

– Захотелось. Приметил, что сидит тут девчонка симпатичная, к которой пытаюсь подкатить, она отшивает. Или дёру даёт. Я вчера, между прочим, правда, хотел тебя на чьё-нибудь место посадить. У тебя же нога болит. Болит еще?

У Иры сердце от его слов подпрыгнуло, перевернулось и пустилось в бешеный пляс. То есть всё-таки это она симпатичная? И он к ней подкатывал? Хотел познакомиться? Что ответить она не нашла и, смутившись, отвернулась к окну, еле сдерживая счастливейшую улыбку.

– Кстати, я – Вадим, если ты вдруг не помнишь.

Как она могла забыть? Да и он наверняка сейчас слукавил. Если он такой наблюдательный, то уж точно заметил, как она то краснеет, то бледнеет при нём.

– Вадим Рудаков, – он картинно поклонился, прижав правую ладонь к груди. – Шестьдесят девятого года рождения. Холост. Вредных привычек не имею. Не привлекался...

Ира вновь засмеялась.

– Но всё-таки вам разве можно в тихий час выходить?

– Нельзя, я сбежал, в окно вылез, – беспечно сообщил Вадим. – Да ничего не будет, даже если узнают. Ты забыла? У нас же мировой вожатый.

– Да, – согласилась Ира, задумавшись, что бы сделал Денис, если бы она сбежала с тихого часа. Уж наверняка придумал бы что-нибудь унижительное. Посадил бы весь отряд в круг, а её бы поставил в самую середину, для позора. И при всех отчитал бы, конечно, по полной программе.

Он такое уже проделывал с Сеней и Сашей за то, что они забрались к ним в палату после отбоя. Вот Римме жаловаться бы не стал. Они с Антониной Иннокентьевной только на ребят из чужих отрядов докладывали, а на своих – никогда. И говорили при этом: «Мы вас выгораживаем». Как будто никто не понимал, что это они сами себя в первую очередь выгораживают.

– Жаль, что ты не в нашем отряде, – вдруг заявил Вадим, и у Иры внутри всё запело-задрожало. Так хотелось спросить почему, но не осмелилась. – А чем ты тут занимаешься?

– Рисую. Плакаты всякие и... – Ира осеклась. Она чуть было не проговорила про «Зарницу», но вовремя вспомнила, что об этом строго велено молчать. – В общем, рисую.

– Художница, – улыбнулся он. – Слушай, а почему великих художников в мире полно, а художниц – нет?

Ира и раньше задумывалась над этим, даже своего учителя в художественной школе спрашивала, когда ещё туда ходила. Удивительно, что и Вадим задался таким вопросом.

– Они есть, только их мало. Наверное, потому что в старые времена женщинам нельзя было учиться в художественных академиях.

– Почему нельзя?

Ира пожала плечами.

– Тогда от женщин требовалось совсем другое. Они занимались рукоделием, всякими домашними делами, детей ро... – Ира осеклась и густо покраснела, но Вадим сделал вид, будто ничего не заметил.

– Несправедливо, да? А покажи, как ты рисуешь.

– В столовой висят плакаты, не видел?

– Ой, я не смотрел. Посмотрю сегодня. Оценю! А тут ничего нет?

В шкафу лежали аккуратные стопочки готовых погон и рисунок, на котором изображён Вадим. Ни то, ни другое показывать категорически нельзя, и она покачала головой.

– Слушай, а как твоя нога?

– Да уже нормально почти. Наступать не больно и повязку носить не надо.

– Здорово! Танцевать-бегать сможешь? – И Вадим для наглядности изобразил какое-то па. Двигался он очень гибко и пластично, даже когда вот так – не всерьёз, а смеха ради. Ира и рассмеялась, почти совсем успокоившись.

– Нет, такие пируэты я точно не осилю.

– Тоже скажешь – пируэт! – засмеялся и он. – А в «Зарнице» ты кем будешь? Медсестричкой или бойцом?

– Я не буду участвовать. – В этом-то никакой тайны не было. Можно и сказать.

– А что так? Это ж весело!

– Ну мне ещё пока осторожно надо двигаться.

– Ясно. Кстати, а где ты так? – он кивнул вниз.

И Ира неожиданно для себя взяла и выложила правду. Врать она вообще не любила, и когда не могла ответить честно, предпочитала отмалчиваться, чем придумывать что-нибудь.

– Ого! А ты у нас нарушительница общественного порядка! – усмехнулся Вадим. – Да ладно, не тушуйся, я шучу. Я сам уже сто раз в лес убегал.

– Зачем? – удивилась Ира. – Тоже, что ли, домой хотел? Или, как Павлик, покурить?

– Не-е, я ж сказал – вредных привычек не имею. А в лес... ну просто так, интересно же. Чего за забором сидеть? Кстати! Я в лесу место здоровское нашёл.

– И что там такого? – Ира искренне не понимала, что могло его впечатлить: лес да лес – кусты, деревья, травы, коряги. Может, он юннат какой-нибудь?

– Ха! Я лучше покажу. Точно! Давай завтра вместе смотаемся туда? Не бойся, никто не узнает.

Откровенно говоря, Ире было всё равно, что в лесу так его заинтересовало, но пойти с ним куда-то вдвоём – это же просто за пределами мечтаний! И страшно, конечно, и волнительно, но очень-очень хочется!

– Ну что, договорились?

Ира кивнула.

Он ещё расспрашивал её о том о сём, и Ира сама не заметила, как разговорилась, как от души смеялась над его рассказами и шутками. Уже уходя, он спросил:

– Придёшь сегодня на дискотеку?

– Не знаю.– Её вновь охватило волнение.

– Приходи, – Вадим подмигнул ей и вышел. – Буду ждать.

19

Ире хотелось плясать и петь от радости, но она лишь сидела и блаженно улыбалась, прижимая ладони к разгорячённым щёкам.

Он, такой красивый, такой видный, позвал её на дискотеку! Невероятно! Немыслимо!

Половина дня тянулась медленно и нудно, а хотелось, чтобы скорее настал вечер. Хотелось так сильно, что больше ни о чем не думалось.

Ближе к семи нервы совсем сдали. Иру аж потряхивало. А что, если Вадим пригласит её на медленный танец? Зачем-то же он позвал: «Приходи обязательно». А если пригласит, значит, коснётся её. И тогда она в тот же миг умрёт! Ну или упадёт в обморок. И сама ни за что на свете не сможет притронуться к нему. Просто не сможет и всё. И что, будет стоять столбом?

А если Вадим ее не пригласит, если опять будет танцевать с другими девчонками – это ещё хуже. Это вообще терпеть невозможно. Это и прежде было больно, а сейчас, когда он обнадежил...

Не пойду, решила Ира. Зачем позориться? Или страдать лишний раз?

Однако пошла. И самая первая.

Девчонки в палате ещё собирались, прихорашивались, ссорились. Вообще-то они всё время ссорились, нет, не ругались в пух и прах, а просто поддевали друг друга или недовольство высказывали.

На этот раз Дина попросила у Светы обещанную заколку, а та возмутилась:

– С какой такой стати я тебе буду свои заколки давать? Ну ты и наглая!

– Ты обещала... если я попрошусь медсестрой вместо Гули...

– Тебя медсестрой сделали? Нет. Так что сиди и помалкивай. И вообще, к чему тебе красивые вещи? Тебе они все равно не помогут. У тебя безнадежный случай.

Света скроила уродливую гримасу, и ее подпевалы взорвались хохотом.

В другой раз Иру бы это взбесило, но не сегодня. Сегодня её ни Света, ни насупленный Денис, ни Виталик, который привязался к ней перед ужином с какими-то претензиями и требованиями, не вызвали раздражения.

Вита тоже подметила:

– У тебя сегодня хорошее настроение?

Ира подтвердила – хорошее, но в чём причина, не призналась, хоть Вита и выпытывала. Да и саму распирало желание поделиться радостью, еле сдержалась. А во время ужина она села лицом к первому отряду и, поймав взгляд и улыбку Вадима, улыбнулась в ответ, хоть и ужасно разволновалась.

Дискотека только началась, а они с Витой были уже на месте.

Вокруг крутились пока одни лишь младшие отряды. Им даже неловко как-то было, точно они переростки среди детворы.

Они присели на скамейку, выбрав очень удачное место – с краю, но зато вся танцплощадка на виду.

Павлик кричал со сцены свои шутки-прибаутки, просил детишек похлопать-потопать-погорланить вместе с ним, и все хором повторяли его «Оу», «Е!», «Эге-гей!». Затеял игру «Ручеёк», в которую с удовольствием включились все, кроме Иры и Виты.

Спустя полчаса стали подтягиваться ребята из старших отрядов, но Вадима всё не было. Затем Павлика сменил вожатый третьего отряда, но тот не заводил народ, а лишь безмолвно переключал композиции на большом бобинном магнитофоне. Павлик куда-то скрылся. И без него градус веселья сразу заметно снизился.

«Куриль навверняка сбежал», – подумала Ира.

Вообще-то курить в лагере строго запрещалось. Не только детям – это уж само собой, но и вожатым, и всему педагогическому коллективу.

Дети особо и не рвались, а вожатые, не все, конечно, но некоторые покуривали тайком, за территорией лагеря. Вот Павлик, например. Ира чувствовала от него лёгкий табачный запах. Обычно она терпеть не могла, когда от людей несло куревом, но именно на Павлика эта неприязнь не распространялась. Было даже нечто привлекательное в том, что он так смело нарушал запреты. И уж совершенно точно курящий Павлик казался ей привлекательнее Дениса, некурящего и безупречного во всех отношениях.

Однако всё же здорово, что Вадим не курил. От него пахло травой, солью, ветром, свежестью и чем-то неясным, но очень волнующим. От него восхитительно пахло!

Но где же он всё-таки?

Ира начала нервничать. Позвал, а сам не пришёл. Посмеяться над ней решил? Или попросту забыл?

На танцплощадке уже было не протолкнуться. Ира высмотрела мальчишек из его отряда, нескольких девчонок. Ну а Вадим где?

Настроение совсем упало. Вот дура! Размечталась! Хорошо ещё никому не рассказала об этом, а то выставила бы сейчас себя на посмеище. Вита бы, конечно, не стала над ней смеяться, но всё равно стыдно.

Вот уже и Павлик вернулся. И снова началось: «Покажите ваши руки! Выше-выше!», «А теперь все вместе!», «А ну, кто громче?». И всем сразу стало оглушительно весело.

А Вадима всё нет... Его точно нет. Запела Джилла Ирину любимую песню – «Джонни, о, е...», и народ схлынул, облепил скамейки вокруг опустевшей танцплощадки. Осталось лишь несколько пар.

Ира обсмотрела каждый угол, каждый метр. Нет его! А такая песня! Вот бы под нее с Вадимом потанцевать медляк, подумала Ира, совершенно забыв, как еще днем боялась, что умрет на месте, если он ее коснется.

Ей даже стало немного завидно – вон Света танцует с тем самым Сергеем из первого отряда, что играл на гитаре. И даже Лидка танцует с Виталиком. Нет уж, завидовать Свете и Лидке – это совсем ни в какие ворота. А вот той долговязой Регины из первого отряда нет. Её нет, и Вадима нет. Вдруг они где-то вместе? Ледяными иголами болезненно пронзило сердце.

Отпела Джилла – загремел задорно «Чингисхан». И снова начались танцы до упаду. «Чингисхана» сменили Бони М с лихим «Распутиным», следом распаял толпу «Зелёный свет» Леонтьева, и тут же, не давая опомниться, – «Рок вокруг часов» Билла Хейли. И чем зажигательнее была композиция, чем громче веселился народ, тем острее Ира чувствовала себя обманутой, несчастной, одинокой.

– Комрадос, вы великолепны! – кричал со сцены Павлик. – А теперь... теперь... дамы приглашают кавалеров! Потому что это белый танец. Потому что это самая романтическая баллада о любви. Love Hurts! Назарет! Любовь ранит... любовь причиняет боль... но как жить без любви? Девочки, спасайте!

«Ещё как ранит», – горестно подумала Ира, глядя, как с первыми аккордами стремительно пустеет танцплощадка, как вмиг угомонившаяся толпа разбредается, оставляя место лишь нескольким... счастливым.

«Может, тоже кого-нибудь пригласить?» – подумала Ира. Вон Вита стоит, грустит. Заметил её взгляд, улыбнулся. Юра тоже один. Нет, с ними не хочется.

Зато Сеню пригласила девочка из четвёртого отряда. Остальные пацаны стали посмеиваться, мол, он котируется среди малышек, но их смешки звучали не очень-то весело.

А песня, и правда, красивая! Даже красивее, чем «Джонни». Чудесная песня!

Ира на мгновение закрыла глаза, слушая переборы бас-гитары. А когда открыла – перед ней стоял Вадим. Дыханье тотчас перехватило. Пришёл! Пару секунд она так и стояла, замерев, не дыша, и смотрела на него, широко раскрыв глаза.

Если бы он пригласил Иру на танец, она, вне всякого сомнения, отказалась бы. Закачала бы испуганно головой, а потом ругала бы себя, что она такая пугливая и затюканная дурочка. Но Вадим ее не пригласил.

Он, не говоря ни слова, ничего не спрашивая, просто и уверенно взял её за руку и повёл за собой, прямо в середину танцплощадки. Остановился, развернул к себе, как куклу, притянул за талию ближе.

Иру изнутри била дрожь, голова шла кругом, ноги резко ослабели, а лицо полыхало, точно опалённое огнём. Он так близко! Обнимает её! И она держит его за плечи – нет, не держит, касается, совсем слегка, стыдливо, не то что он – обхватил по-хозяйски. Под тонкой тканью его футболки кожа такая горячая.

– Ты вся дрожишь. Замёрзла? – спросил он её, касаясь губами уха, отчего Ира едва не лишилась сознания. Она точно упала бы, если бы крепкие руки не держали её, если б не притянули ещё ближе. – Давай согрею.

Какое там «замёрзла»? Ире казалось, она вся плавится изнутри, вся пышет жаром, как мартеновская печь, но он всё равно прижал её к себе, как будто они не танцевали, а обнимались.

Ире было мучительно стыдно, горячо и... упоительно хорошо. Несравнимо ни с чем, потому что ничего подобного она никогда раньше не испытывала. Нет, пару раз она танцевала с мальчиками на школьных вечерах, но тогда всё было иначе. Совсем не так. А точнее – никак. Она и помыслить не могла, что от обычного танца можно получать такое удовольствие, что можно так пьянеть...

После дискотеки Вадим проводил её до корпуса. Они шли чуть в стороне от остальных ребят, и Ира видела, что девчонки постоянно на них оглядывались. Обсуждали их. Ну и пусть! Вадим держал её за руку, и Ире хотелось одного – идти вот так долго-долго.

У крыльца остановились.

Он ничего не говорил, просто смотрел и улыбался краешками губ. Ира снова смутилась. Идти и разговаривать, даже держась за руки, всё-таки куда проще, чем стоять друг напротив друга и смотреть в глаза. Внутри опять стремительно нарастало волнение, вызывая дурацкую дрожь.

Ира не выдержала, отвела взгляд в сторону. А он продолжал смотреть на нее, прожигая глазами насквозь.

Ира собралась с духом, нервно облизнула пересохшие губы и выпалила:

– Мне пора. Денис будет ругаться.

И тут же устремилась в корпус, но почувствовала, как в последний миг он успел легонько коснуться её руки, а в спину полетело тихое: «До завтра!».

20

Девчонки одолевали Иру расспросами. Что у них с Вадимом, когда они успели познакомиться. Даже Света уже не морщила презрительно нос, глядя в её сторону, и не называла хромоножкой или раненой. Она посматривала на неё с досадой и любопытством, вроде как приглядывалась, пытаясь понять, что в ней такого нашёл Вадим.

Однако Ира привычно отмалчивалась. Сказала лишь Вите по секрету, что они теперь «общаются».

Про то, что они сбежали в лес, никто не догадался, потому что в тихий час Ира уже давно не приходила. Её отсутствие стало привычным, хотя девочки до сих пор злились: несправедливо! Они ведь тоже еле выдерживают целых полтора часа утомительного и скучного лежания в постели среди дня. И вот такое разделение, возмущались они, это нечестно.

– Подумаешь, рисует она! – ворчала Лидка. – Я, может, тоже могу рисовать. Я вообще много чего могу, но почему она гуляет, а я – спи.

Девочки загудели, только Света, лёжа на животе и подперев подбородок руками, казалась отрешённой. Однако думала она тоже о Ире. Досадую, что так и не удалось её разговорить ни вчера вечером, ни сегодня с утра, Света протянула:

– Всё-таки не понимаю, что он в ней нашёл.

– Вот именно! – поддакнула Гуля.

– Ну она, конечно, не уродка, – продолжала рассуждать Света, – но есть и покрутивее. А в остальном – вообще ничего интересного. Ходит вечно как пристукнутая, что-то под нос бурчит. Одевается – вообще караул, наверное, в коммиссионке какой-нибудь, а он-то мальчик модный. Джинсы импортные, кроссы приличные, цепочку на шее носит под футболкой.

– На пляже я что-то не видела у него цепочки, – наморщила лоб Лидка.

– На пляже не было, может, снял, чтобы не утонула. А когда мы на прошлой дискотеке медляк с ним танцевали, заметила.

– Да, одевается он классно! – вставила своё слово Гуля.

– Да и вообще он Ирке не чета, – подытожила Света, замолкла ненадолго, а затем снова начала: – Но он так на неё смотрел сегодня в столовке! Как будто она вообще королева красоты. С чего вдруг? Он ведь её до вчерашнего дня даже не замечал...

Света перевернулась на спину, каштановые пряди разметались по подушке. Прищулив зелёные глаза, она сосредоточенно уставилась в потолок, будто высматривала там ответы на свои вопросы. Затем выдохнула:

– Нет, всё-таки что-то тут не так. Меня чутьё никогда не подводило, да и пацанов я знаю, как облупленных. Особенно таких, как Вадик. Не мог он влюбиться в эту Ирку... никак не мог. Не его она поля ягода.

А тем временем Ира с Вадимом продирались через цепкие кусты. Куда шли? Ире было всё равно. Она с жадностью, пока есть такая возможность, пожирала взглядом его прямую спину, широкие плечи, загорелый затылок, медный овал с лейблом «Монтана» на синих джинсах.

Иногда Вадим оглядывался, и Ира вспыхивала, смущаясь. Когда уже она привыкнет и перестанет так реагировать? Но он снова обернулся – на этот раз ещё и подмигнул, – и снова несчастные уши полыхнули огнём. Красивый какой – сил нет! На миг она даже зазевалась, и колючая ветка больно стегнула её по руке, тут же оставив алую полосу.

– Ой, – вырвалось у неё.

Вадим оглянулся, заметил царапину, нахмурился.

– Чёрт, извини.

– Да ничего, ерунда, – улыбнулась Ира.

Это и вправду ерунда. Когда он рядом, разве какая-то жалкая царапина может омрачить настроение? Но он остановился и посмотрел ей в глаза с неподдельным беспокойством.

– Тут совсем немного осталось. Дойдешь?

– Конечно!

И в самом деле, метров через двести Вадим воскликнул:

– Вот он!

В зарослях травы, уже изрядно примятой, возвышался ржавый остов брошенного когда-то «уазика».

– Давай сюда, – Вадим подал Ире руку и потянул прямо внутрь, в разгромленный салон. – Прокачу! С ветерком! Только осторожно, тут крапива.

Сквозь дыры в днище проросла трава, но Вадим притоптал её кроссовкой. Обивка на сиденьях давно изорвалась, по бокам наружу торчал серый трухлявый поролон, и садиться было не слишком приятно, но Ире не хотелось огорчать Вадима. По непонятной причине эта колымага ему явно пришлась по душе.

– Откуда он здесь, интересно? Среди леса...

– Да чёрт его знает. Но скажи – здорово!

– Угу, – кивнула Ира, хотя в ржавом разбитом «уазике» она видела лишь ржавый разбитый «уазик» и ничего больше.

У них во дворе, среди гаражей тоже стоял чей-то бесхозный «запорожец». Точнее, его кузов. Детвора любила ползать по нему и устраивать всякие игры. Но то детвора, даже ещё не школьники, а тут – Вадим. Но раз ему нравится, Ира тоже улыбнулась.

Приборной панели здесь не было и в помине, зато осталось рулевое колесо, которое Вадим обхватил обеими руками и стал накручивать влево-вправо, изображая гонку по виражам. И такой он был смешной, что Ира расхохоталась. Он, глядя на нее, тоже подхватил.

Просмеявшись, они встретились взглядом, и Вадим внезапно посерьёзnel. А Ире показалось, что она сейчас перед ним как на ладони со всеми её чувствами, терзаниями, мечтами. Ни одного укромного уголка в душе не осталось.

И сделалось не по себе – волнующе до мурашек и страшно. Он тоже вдруг стал не такой, как всегда. Ни искорки в глазах, ни смешинки. Посмотрел ниже, на ее губы. А потом, не отрывая взгляд, сглотнул.

«Сейчас что-то будет», – подумалось ей так ясно и отчётливо, что захотелось зажмуриться. Но Вадим отвёл глаза. Как будто сам вдруг смутился. А потом высунулся в окно, в котором давно не было стёкол, и, перегнувшись, потянулся куда-то в сторону. Из ворота футбольки выскользнула тоненькая серебряная цепочка и зацепилась за штырь, на котором раньше крепилось боковое зеркало. Хрупкое плетение лопнуло, и цепочка с тихим шелестом упала в траву.

– Ой, – Вадим снова сел, потирая затылок. – Это тебе. – Протянул он Ире роскошную саранку с тремя кудрявыми пурпурными цветками и ещё двумя нераскрывшимися бутонами.

– Ух ты! Спасибо! – радостно улыбнулась Ира, понюхала цветок, тотчас измазав нос в рыжей пылице. Затем с беспокойством взглянула на Вадима, тот что-то напряжённо высматривал на полу.

– Что-то потерял?

– Кажется, цепочка порвалась и куда-то упала. Так-то бы чёрт с ней, но это сестра подарила. И завтра она наверняка с матерью приедет, увидит...

Осмотрев салон, они продолжили поиски снаружи.

– Вот же она! – воскликнула Ира. Потеря повисла на белой пышной шапке тысячелистника.

– О, точно! – обрадовался Вадим. – Спасибо.

Пошарив в том же месте на земле, он нашёл монетку с дырочкой. Протянул на ладони, показывая Ире.

– Это немецкий пфенниг. Отец привёз из ГДР. На самом деле – мелочь. Меньше копейки стоит, но в классе, когда увидели, все обзавидовались. Валюта же, – усмехнулся Вадим.

Затем вдел в дырочку монетки один конец цепочки и сунул в карман джинсов.

– Забегу в понедельник к пацанам на радиотехнический кружок. Они запаяют. Спасибо тебе еще раз, – он с благодарностью посмотрел на Иру. – Ой, у тебя нос в чем-то жёлтом. И щека.

Он аккуратно большим пальцем стёр с носа следы пылицы, потом провёл по щеке, медленно, едва касаясь, и между ними вновь возникло то самое, неловкое и острое, волнение. Ира невольно отступила и упёрлась в нагретый на солнце кузов «уазика», задев кожей горячий металл. Обжёгшись, отпрянула, резко подавшись вперёд, и сама не поняла, как оказалась в объятиях Вадима.

– Тш-ш, – выдохнул он ей в губы и... поцеловал. Легко, неторопливо, даже с некоторой ленцой, но Ире показалось, что небо и земля перевернулись, что солнце взорвалось миллионными искрами, что сама она летит, а, может, наоборот, падает неведомо куда.

Где-то совсем рядом раздались голоса. Ира открыла глаза. Солнце, небо и даже она сама – всё было на месте. И рядом Вадим. Одной рукой он всё ещё обнимал её, а второй осторожно приподнимал ветку.

– Надеюсь, это не нас хватились, – произнёс он, вглядываясь туда, откуда доносился шум. – Сюда идут!

Он резко присел и утянул за собой Иру. Шаги и голоса приближались.

– Сидим тихо, – прошептал он, прижимая её к себе и трясаясь от беззвучного смеха.

Мимо них, совсем близко, прошли физрук и Аркаша-поплавок.

– Подальше надо будет ставить, – говорил физрук, – а то быстро найдут. В прошлый раз не успела «Зарница» начаться, как тут же и закончилась.

– Да зачем вообще нужна эта свистопляска? Одной эстафеты вполне бы хватило, – проворчал Аркаша.

Что ответил физрук, Ира уже не разобрала. Вскоре и вовсе их стало неслышно, но, взглянув на Вадима, она спросила почему-то шёпотом:

– Давай вернёмся, пока нас не потеряли?

– Или пока не нашли, – улыбнулся он.

Им повезло – никто не спохватился, и на полдник они пришли как будто вместе со всеми. И снова заговорщически переглядывались, еле сдерживая улыбки.

Ира не замечала, как на неё косились девчонки, а если бы и заметила, то не придавала бы значения. Пусть себе смотрят, жалко, что ли?

– А вы с Вадимом уже дружите? – спросила Иру Вита, когда они возвращались из столовой. – Или всё же просто общаетесь?

– Если честно, я и сама не знаю, – призналась Ира и задумалась.

И правда, что у них? Дружба? Любовь? Она-то в него, понятно, влюблена. Чуть ли не с первого дня. А он? Он ведь такой необыкновенный, просто ах! На него вон как все заглядываются, даже Света. А Ира... в ней же ну ровным счётом ничего особенного.

Мама ей, конечно, сто раз говорила, что Ира – красавица, вот только не зажималась бы и улыбалась почаще. Но то мама. Верить ей нельзя, не потому что врёт, а потому что сама не видит правды. Ведь всем мамам свои дочки кажутся красавицами. Но всё же... он так смотрел на неё там, в лесу. И ещё так сладко поцеловал... От воспоминания к щекам тут же хлынул жар, а в груди что-то трепыхнулось и сладко заныло.

Интересно, где он? – подумалось Ире. Не искать же его по лагерю. А то подумает ещё, что бегаешь за ним, навязывается. Эх, теперь только ужина ждать, чтоб увидеться!

Но увидаться довелось ещё до ужина. Едва закончилась летучка, на которую Денис созвал всех на веранду, чтобы обсудить грядущие дела, как к ним заглянул Павлик и позвал на стадион погонять мяч. Ребята встрепенулись – поиграть им, конечно же, хотелось. Денис взглянул на Павлика с нескрываемым раздражением, однако тот как будто и не заметил.

– Народ, вы чего киснете? Идем на поле! Или струсили? В прошлый раз вы нам в футбол продули. Мы думали, вы хотите отыграться, а вы...

– Ничего мы не струсили, – крикнул Сеня. – Денис, покажем им?

Денис был явно недоволен, но в открытую противиться желанию ребят не стал.

Ира обрадовалась – до игры ей дела не было, но зато это благовидный предлог прийти туда, где есть Вадим, и смотреть на него сколько угодно, а, может, ей повезёт и им удастся поговорить.

Всей гурьбой они помчались на стадион, где их уже поджидал первый отряд.

Девчонки вытянулись в линию вдоль поля – приготовились болеть за своих. Света с Лидкой, а следом и все остальные девочки выстроились стеной напротив, с другой стороны. Ира, хоть и встала на ту же сторону, но чуть поодаль, как будто не с теми и не с другими, а сама по себе.

Вадим уже успел переодеться в синие спортивные штаны с белыми лампасами. Он ловко набивал коленом мяч, пока остальные переговаривались – видать, вырабатывали стратегию. Вдруг он поднял голову, посмотрел прямо на Иру, улыбнулся и махнул ей рукой. Именно ей, никаких сомнений. Ей одной. Она вспыхнула и тотчас почувствовала, как в кожу вонзились чужие колющие взгляды.

Судить доверили Денису. Вообще, сначала вызвался Павлик, но стоило Денису выказать сомнение в его честности, как тот с готовностью передал тому свисток и судейство, а сам прикнул к своим девчонкам.

По свистку мяч разыграли и... понеслось. Какой там «отыграться»?! Первый отряд чуть не затоптал противников. Казалось бы, почти ровесники. Но бегали они быстрее, обводили проворнее, нападали агрессивнее. Бедняга Юра, которого поставили на ворота, ничего не мог поделать против такого натиска. Лупили раз за разом. Вратарь первого отряда даже затосковал.

Болельщицы обеих команд подогревали игроков кричалками.

– Кривоногий и хромой – это кто? Отряд второй! – орали одни.

– А у первого отряда сила есть – ума не надо! – кричали в ответ другие.

И конечно, отряд Павлика выиграл с разгромным счётом.

Сеня и Сашка уходили с поля угрюмые, отпуская гневные шпильки в адрес бедолаги Юры и не желая признавать, что и сами были слабой защитой. Виталик возмущался, что первый отряд играл нечестно, что кто-то его пинал и толкал. Остальные шли молча, не поднимая голов. Зато первый отряд сгрудился все вместе, обнимаясь и ликуя. Тут же к ним подлетели девчонки, а в довершение с разбегу скакнул на своих Павлик. С криками и визгом все они завалились на песок, и получилась куча-мала.

Ира ничуть не огорчилась поражению своего отряда, она вообще ни за кого не болела, а просто любовалась, как ловко и стремительно играл Вадим. Но вот он поднял голову, поискал её взглядом и снова махнул рукой, широко улыбнувшись.

Она в ответ просияла, не замечая, что её отряд уже ушёл. Когда Ира смотрела на Вадима, она, казалось, вообще ничего не замечала. Наконец, он оторвался от своих и подошёл к ней.

– Пойдём на качели?

– Пойдём, – обрадовалась Ира.

На футбольном поле визг и смех стихли. Куча-мала распалась. И если б Ира оглянулась, то увидела бы недоумение и обиду на лицах девочек, насмешки мальчишек и молчаливое одобрение в глазах Павлика.

Деревянные сиденья с качелей давным-давно оторвали, и Вадим с Ирой уместились на металлических спинках-перекладинах друг напротив друга. Вадим оттолкнулся ногой от земли и в несколько приседов раскачал их так, что дух захватывало, а опорные стойки ходили ходунком под протяжный скрип петель. Ире хотелось смеяться от радости. Тёплый ветер трепал волосы, свистел в ушах, перед глазами, словно в калейдоскопе, небо сменялось землёй, а земля – небом. Последний раз она вот так качалась, наверное, классе в третьем. А как, оказывается, это здорово!

Накачавшись до головокружения, они просто сидели на перекладинах, болтая ногами. Ире хотелось узнать про Вадима как можно больше, про всё: про школу, про дом, про семью и друзей. Чем он увлекается, что любит, а чего терпеть не может. Но в открытую расспрашивать она постеснялась и узнала лишь, что живёт Вадим в Кировском районе, что старшая вожатая работает в той же школе, в какой он учится, а ещё что у него есть сестра Вика, младше его на год, с которой они очень дружны и по которой он соскучился.

Рядом пятый отряд играл в «Цепи-цепи кованы». Затем вожатая позвала ребят ужинать. Проходя мимо качелей, несколько мальчишек прокричали: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!». Ира чуть не задохнулась от смущения.

Как ей ни хотелось остаться на качелях, им тоже пора было идти на ужин.

Вадим помог Ире спуститься, а потом не выпустил её руку.

– Жаль всё же, что ты не будешь в «Зарнице» участвовать, – сказал он по пути в столовую. И повернувшись, весело ей подмигнул: – Я б тебя взял в плен, невеста.

– Вот как?– зарделась Ира и, краснея, подыграла. – Ну спасибо. Нет чтоб сказать, что устроил бы мне побег, если б меня взяли в плен...

– Не могу. Я ж командир. Что обо мне мой отряд скажет? Да ты не бойся, тебе у меня в плену было бы хорошо...

– Так ты у вас командир?

– Да. А у вас, кстати, кто?

– А у нас Виталик.

– Кто-кто? Это тот, который сегодня всё время ныл, что его пинали и толкали?

– Да, он самый, – улыбнулась Ира.

– Ну вы даёте! Нашли кого выбрать в командиры!

– Да мы не выбирали. Его Денис назначил. Но зря ты так. Он меня тоже поначалу бесил, но зато он, можно сказать, герой, человеку жизнь спас. Даже двум.

– Ого! Это как?

И Ира пересказала историю Виталика, которой он поделился на «свечке».

– Ну надо же! – хмыкнул Вадим. – А по нему и не скажешь.

21

На этот раз приехала мать. Выглядела она плохо. Может, не поправилась до конца? Или ее так развод подкосил?

Ире хотелось со всех ног кинуться к ней навстречу, обнять покрепче, но так делали только маленькие. Те, кто постарше, хоть и спешили, и радовались, но сдержанно, без щенячьего восторга, а пацаны так и вовсе подходили к своим вразвалочку.

– Ну как ты тут, доча? – мать обеспокоенно вглядывалась в Ирино лицо.

– Хорошо! – Ира, и правда, вся светилась изнутри.

Она и думать забыла о том, чтобы просить маму забрать её домой. Напротив, вчера ночью она с тоской думала, что скоро смена закончится и они разъедутся. Они с Вадимом, конечно, из одного города, но из разных районов. Не наездишься. Да и дело даже не в этом. Просто там у него своя жизнь, и глупо надеется, что в ней обязательно найдется место для Иры.

– Тебе нравится в лагере? – спросила мама. Теперь она смотрела на дочь с лёгким недоверием.

– Очень! – совершенно искренне ответила Ира.

– Правда? – обрадовалась мать. – Ты с кем-нибудь подружилась?

– Да, – Ира оглянулась. – Вон с Витой, – кивнула она в сторону своей подруги, которая неподалёку стояла со своей мамой, такой же светловолосой и худенькой. – Она из моего отряда.

– А с мальчиками?

– Ну, мама! – смутилась Ира, чувствуя, как уши предательски начали краснеть.

– Всё-всё, молчу, – спрятала улыбку мать. – Пойдём лучше прогуляемся. А как вас тут кормят? Ты хорошо ешь?

Мать засыпала Иру вопросами, на которые та отвечала скупой и неохотно.

– Две недели не виделась, а слова из тебя не вытянешь. Мне же интересно, как ты тут, чем занимаешься... А ты вон идёшь и только головой крутишь по сторонам.

– Ничего я не кручу, – проворчала

Ира. Она и сама не замечала, что высматривала Вадима, но не находила. А интересно было бы узнать, какие у него родители, какая сестра.

Они с матерью нашли укромное место в тени деревьев. Не такое уж и укромное, конечно. Отовсюду доносились голоса и смех, но так даже лучше – возникало ощущение праздника. Мать раскинула на траве старое шерстяное одеяльце в синюю клетку, поверх расстелила разворот «Правды», а на газету выложила спелые помидоры, огурчики с колючими пупырышками, промасленный свёрток с пирожками, бутерброды с докторской, термос с чаем.

– Ну что, Иринка, попируем? – кивнула мама на угощение. – Пирожки с капустой, как ты любишь. Кстати, мне от Юрика письмо пришло. Три строчки всего и как курица лапой, но всё равно молодец. Не забывает. Тебе привет передаёт.

– Что ещё он пишет? – Ире вдруг стало стыдно за то, что она всего раз вспомнила младшего брата – и то, когда Вадим с теплом рассказывал про свою сестру.

– Пишет, что купается каждый день, рыбачит с деревенскими на какую-то мордушку. Пишет, что ест хорошо и сильно вырос. Ты тоже, Ира, налегай. Для кого я столько еды навезла?

Ира всегда была малоежкой, но тут аппетит разыгрался не на шутку, и она сама не замечала, как уплела три пирожка и бутерброд. И на душе было так замечательно, пока мать всё не испортила.

– Отец сказал, что ты с ним даже разговаривать не захотела, когда он приезжал к тебе на той неделе... Он очень расстроился...

Ира тотчас помрачнела. Зачем мать вообще про него вспомнила? Он же предатель! Подумаешь – расстроился он! А она не расстроилась, когда он там с этой рыжей...?

– Мне он больше не муж, но вам-то с Юркой он отец, – продолжала мать. – И навсегда останется вашим папой. Он вас любит, невзирая ни на что.

Зачем мать говорит эти глупости? Пустые и лживые слова. Как будто Ира не помнит, как это было, когда отец их любил.

С матерью она не спорила, чтобы не поругаться, но и соглашаться не собиралась. Откинулась на спину, глядя на выцветшее от зноя небо и незаметно уснула. Ещё бы – сегодня она спала от силы час, разволновалась очень. И непонятно, отчего больше – из-за приезда матери или из-за Вадима.

Пробудилась Ира внезапно, когда совсем рядом громко рассмеялись. Вскочила, не понимая в первый миг, где она. Потом озадаченно взглянула на мать, которая так и сидела на краешке одеяла:

– Я долго спала? Почему ты меня не разбудила?

Они ещё немного посидели, и мать начала собирать сумку.

– А это тебе, – протянула она Ире свёрток со сладостями.

– Спасибо.

У ворот, где родителей поджидали пыльные жёлтые «лиазы», толпились и галдели дети, матери, отцы, бабушки. Тут Ира и увидела, наконец, Вадима.

С ним была высокая, стройная, загорелая женщина в чёрной кофточке в обтяжку и модной джинсовой юбке на пуговицах. Лицо её наполовину закрывали тёмные очки, а в ушах блестяли большие золотые кольца. Она была похожа на иностранку, какими их себе представляла Ира. Рядом с женщиной стояла девочка. Такая же высокая, загорелая, длинноногая и темно-волосая. И тоже одета по моде – в белых бананах и голубой джинсовой куртке.

Вадим заметил Иру и даже подмигнул ей, но как-то мимолётно, и сразу отвернулся. Не помахал и не улыбнулся, как обычно. Ира же, глядя на его мать и сестру, внезапно устыдилась старого, вылинявшего сарафана и стоптанных туфель. Это было незнакомое и неприятное чувство, и не просто неприятное, а какое-то унижительное.

Раньше Ира совсем не обращала внимания на одежду. В школе одевались примерно одинаково. У всех похожие форменные платья и фартуки. Только на школьных вечерах и можно было принарядиться, но их проводили редко. Да и модников у них – раз, два и обчёлся. В основном, все такие, как Ира.

На Вадима Ира больше не смотрела, но все равно нервничала, даже мать заметила в ней перемену. Стала расспрашивать, что такое, и с любопытством озираться.

Прощаясь, Ира неуклюже ткнулась губами в мамину щёку и испытала почти облегчение, когда мать наконец вместе с остальными села в автобус.

Настроение было окончательно испорчено. За ужином даже ни разу не взглянула в сторону Вадима. И он к ней тоже не подходил. Так они до отбоя больше и не виделись.

22

Понедельник начался заполошно – весь лагерь готовился к «Зарнице», которая уже завтра должна была стартовать для младших отрядов и на следующий день – для первого и второго.

С самого утра физрук всучил Ире схемы карт и маршрутных листов, которые ей надо было перечертить начисто и при этом не ошибиться ни в единой циферке и буковке.

– Прости, что так припозднился. Надо было ещё в субботу занести, но дела всякие... Как думаешь, успеешь к среде?

– Успею, – пожала плечами Ира, мол, что тут успевать.

– Отлично! Тогда карт сделай по четыре, а маршрутных листов... ну, тоже по четыре давай, – наказал он.

Сама Ира мало что смыслила в схемах, но старательно перерисовала кривую маршрута со всеми обозначениями. С картами пришлось работать ещё более кропотливо.

В три часа заглянул физрук. Сверил со своими записями то, что успела сделать Ира. Ушёл довольный, даже похвалил, хотя обычно из него слова доброго не вытянешь. Не то чтобы он был злой, но всегда выглядел очень-очень серьёзным и отличался редкой немногословностью. Зато его скупое одобрение вдохновило уже уставшую Иру так, что потом она корпела без перерыва до самого ужина. И хорошо, что пришлось так много работать – дело помогло ей отвлечься от мучительных мыслей, что терзали её весь день.

А всё потому, что Вадим вёл себя очень странно.

Ире показалось, что он её почему-то избегает. Утром на зарядке они виделись, правда, издали, и Вадим на неё почти не смотрел. И потом, в столовой, на обеде она поймала его взгляд, но вместо привычного весёлого подмигивания и улыбки, от которой душа пела, он едва кивнул и быстро отвёл глаза. Это больно кольнуло. И во время полдника Ира села спиной к первому отряду. Лучше его не видеть, чем переживать такое унижительное и непонятное пренебрежение.

Она бы с удовольствием совсем не приходила в столовую, но нельзя. Вот и сидела, напряжённо гадая, смотрит ли Вадим на неё или снова не обращает внимания, заметил ли, что она села к нему спиной или ему без разницы.

Прежде она и не подозревала, как легко, одним лишь взглядом, можно сделать человека счастливым и очень несчастным. Ещё в субботу она ликовала, а сегодня внутри скреблось и болело, сил нет. И что хуже всего – она не понимала, почему вдруг всё изменилось? Так резко и неожиданно...

Неужели он тоже вчера сравнил её со своими яркими и модными родными и понял, как бедно, как убого выглядела на их фоне Ира? Но ведь она и прежде одевалась скромно, и ничего.

Она даже поплакала у себя в оформительской. Потому что перед этим встретила опять Вадима. Он стоял с Павликом чуть в стороне от дорожки, ведущей в клуб, и о чем-то разговаривал.

Вадим тоже её увидел, ещё издали, но отвернулся, притворился, что не видит.

Ира ничего не понимала и мучилась. А подойти и спросить, в чем дело, не могла. Проще умереть на месте.

Тысячу раз она пожалела, что не уехала вчера с матерью домой. Поскучала бы, погрустила, конечно, но это в любом случае легче, чем чувствовать себя отвергнутой и униженной как сейчас. А теперь ещё целую неделю страдать. Если бы не эти карты и схемы, она бы, наверное, с ума сошла.

На ужин Ира шла как на пытку. Только и думала о том, что Вадим опять будет демонстративно не замечать ее, да ещё и при всех. Светка с подругами уже что-то заметили: косятся, перешептываются, посмеиваются.

Вяло поковырявшись в гречневой каше, Ира выскользнула из-за стола, как только Антонина Иннокентьевна отвернулась, и всё-таки не удержалась – выходя из столовой, воровато стрельнула взглядом в сторону первого отряда, но Вадима не обнаружила. Странно. Он что, на ужин не пошёл?

В дверях она столкнулась с Павликом.

– О, ты, гляжу, снова в строю и даже не хромаешь, – улыбнулся он. – Значит, послезавтра повоюем?

– Нет, я... в медпункте сказали, чтобы я не участвовала, нельзя пока...

– А-а, ну раз нельзя, то ничего не попишешь, – кивнул Павлик. – Медикам виднее. А как вообще у тебя дела? Как настроение? Привыкла к лагерной жизни? О побеге больше не помышляешь? Родители-то приезжали к тебе?

Ира покачала головой, растерявшись от шквала вопросов. Но постепенно разговорилась и даже, неожиданно для себя самой, разоткровенничалась. Может, потому, что Павлик единственный проявлял к ней неподдельный интерес и был всегда добр. Или потому, что хочется выговориться, когда на душе тяжело.

Не называя имён, Ира призналась, что есть один мальчик, с которым у них сначала было никак, потом хорошо, а сейчас всё плохо.

Павлик наверняка догадался, о ком речь, – не слепой ведь. Видел же, как они гуляли с Вадимом, как ходили за руку, и на качелях их видел. Но, к счастью, проявил деликатность, не стал задавать лишних вопросов, не отмахнулся, мол, какая мелочь, будут еще мальчишки. Наоборот, смотрел проникновенно, с теплом и искренним сочувствием. И утешить постарался, как мог. А потом вдруг сказал:

– Ты классная, Ириш. И очень симпатичная. А тот пацан – дурак просто. Но я тебя понимаю, как никто. Только между нами, ладно? Я этого никому не говорил. Я тоже на первом курсе влюбился в одну девчонку до умопомрачения. Бегал за ней как помешанный. Цветы дарил, конфеты, всё как положено...

– А она?

– А она, – хмыкнул Павлик. – Она не говорила ни да, ни нет. Но один раз мы даже с ней... ну, поцеловались. А потом я случайно узнал, что у нее есть другой. Приехал как-то за ней на "Волге". Я ее спрашиваю, мол, как же так? А она: "Ты милый и веселый. Но ты просто студент, а вот он там кто-то важный..."

Павлик на миг скис, но почти сразу воспрянул духом.

– Ничего, Ириш, прорвемся. Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее, – он поднялся со скамейки, куда они вдвоем присели, задорно подмигнул и помчался по своим делам.

23

После столовой Ира направилась в оформительскую, хотела доделать работу до конца – там и осталось-то всего лишь перекопировать карты для комиссии, и столкнулась с Вадимом.

Он вышел из клуба в тот самый миг, когда Ира подошла к крыльцу, и тут уж ни ей, ни ему от встречи было никак не отвертеться.

Ира от неожиданности вздрогнула, и Вадим, как ей показалось, тоже.

– Ты опять от меня бегаешь? – спросил он, натянуто улыбнувшись. – Весь день тебя поймать не могу.

Ира знала – Вадим врет. Или странно шутит. Потому что захоти он её поймать, то и ловить не пришлось бы. Но зачем ему обманывать? И зачем говорить, что она бежит от него? Это ведь глупости.

– Даже не думала, – ответила ему Ира: – А ты что-то хотел?

– Ничего особенного, – пожал плечами Вадим. Он почти не смотрел ей в глаза. Хмурился, кусал нижнюю губу и вообще сам на себя не походил.

Ире от этой короткой встречи стало только хуже. Ей безумно хотелось спросить, что с ним, почему он такой, но за эти два дня Вадим вдруг стал совершенно чужим и неприступным. Ира опустила глаза и прошмыгнула мимо него в клуб. Он её не задержал и не окликнул.

До оформительской Ира продержалась, а уж там вовсю дала волю слезам. Второй раз за день. Только сейчас было гораздо горше и больнее.

Она редела долго, до икоты, до изнеможения, крепко зажимая рот ладонями, чтобы никто случайно не услышал.

А потом, когда наконец успокоилась и взялась за карты, шмыгая носом, снова обещала себе, что больше из-за него ни слезинки не прольет. И сама на него больше ни разу не взглянет. И не заговорит. Будет ходить как мимо пустого места. И вообще забудет.

Если накануне в лагере царили суматоха и волнение, то во вторник градус всеобщего возбуждения и вовсе зашкаливал. Казалось, сам воздух вибрировал от напряжения. А сразу после завтрака начались соревнования между младшими отрядами.

Ира идти не хотела. Там ведь наверняка Вадим. А с ним встречаться – только мучиться. К тому же она дала себе зарок – не смотреть на него, а это очень трудно, когда знаешь, что он рядом.

Так что когда все помчались на стадион, Ира улизнула в клуб, в свою уютную каморку, пропахшую гуашью. Она открыла окно, чтобы впустить свежий воздух, и вскарабкалась на подоконник – всё равно пока нечем было заняться.

Готовые карты и маршрутные листы лежали аккуратными стопочками в нижнем ящике шкафа. За ними обещал прийти физрук, но сейчас, пока идут соревнования, он вряд ли выкроит даже минуту.

Окно оформительской выходило на лагерные ворота, поэтому о том, что творилось на стадионе, Ира могла догадываться только по разноголосым крикам, доносящимся с той стороны. Но вслушивалась она недолго и вскоре, погрузившись в свои мысли, перестала их замечать.

Вопреки собственным обещаниям, думалось только о Вадиме. И чем строже она запрещала себе вспоминать его, тем болезненнее ныло в груди.

Невыносимо хотелось знать – почему? Почему всё так переменялось? Ещё и слухи поползли неприятные – вчера после отбоя Ира слышала, как девочки в палате обсуждали её и Вадима. Как злорадствовали, что он её бросил.

Особенно врезалась и до сих пор свербела фраза, брошенная Светой: «А я вам говорила, что не мог он в неё влюбиться. Пospорил наверняка с кем-нибудь, вот и всё. Как в «Девчатах», помните?».

От этих слов внутри будто ядовитая кислота разлилась. Так жгло, что дышать было больно.

С кем мог поспорить Вадим? И зачем ему это? Просто так, спор ради спора? Или тоже на кон поставил что-нибудь?

Ира не выдержала и всхлипнула. Как ни крепись, какие клятвы себе ни давай, а терпеть такую боль просто не вмоготу...

24

Тем временем состязания на стадионе были в самом разгаре.

Первый и второй отряды, для которых соревнования начнутся только завтра, сегодня были просто зрителями. Павлик и его подопечные даже за кого-то там активно болели, кричали, подбадривали, только Вадим был угрюм и мрачен. На него поглядывали с удивлением, некоторые даже пытались растормошить, но тот лишь отмахивался и продолжал хмуриться.

Денис взирал на происходящее с каменным выражением. И его отряд держался ему под стать.

После полдника начались состязания для средних отрядов. Ребят вывели за территорию преодолевать полосу препятствий, и лагерь в мгновение ока опустел. Остались лишь дежурные воспитатели, но и они попрытались в корпусах от палящего солнца.

Пойти со всеми она отказалась, как Денис ни давил на неё. Римме Михайловне она тихо-нечко намекнула, что надо ещё кое-что довести до ума, и та позволила ей остаться в лагере.

Даже в сончас не так тихо, подумала Ира. Ей вдруг эта внезапная тишина не понравилась, даже показалась зловещей. Глупости всё это, конечно. И в другой раз она бы посмеялась над собой, если б не было так тяжело на душе.

Однако, кроме этой тишины что-то еще неуловимо мешало. Какая-то мелочь. Словно глаз за что-то мимоходом зацепился, мозг зафиксировал, но из-за рассеянного внимания она это упустила. Ира придирчиво осмотрела оформительскую. Что не так? Вроде всё на месте. Но смутное ощущение будто что-то не так, не отпускало.

С соревнований вернулись перед самым ужином, возбуждённые, шумные, суматошные. У столовой Иру остановил физрук.

– Завертелся я с этой «Зарницей». Забегу сразу после ужина, ты будешь на месте?

– Да, конечно, – пообещала Ира.

Где ей ещё быть? Когда её не трогали Денис или Антонина Иннокентьевна, не заставляли куда-то идти и где-то присутствовать, она пряталась в оформительской. Там она не только с удовольствием рисовала, но и наслаждалась одиночеством. Ничего ей не нужно – ни игры, ни концерты, ни общение с девочками, которое чаще всего сводилось к обычным сплетням или насмешкам, ни «Зарница», от которой весь лагерь как с ума посходил. Ни любовь эта дурацка...

Одной быть хорошо, спокойно. Лишь Вадим сумел вытянуть её из этого уютного кокона одиночества, и то ненадолго. И как болезненно это оказалось...

Впрочем, нет, Павлику она тоже открылась, но тут другое. Павлик ей как старший товарищ или брат. А Вадим...

Стоя на крыльце, Ира вдруг оглянулась, словно почувствовала спиной чей-то взгляд.

К столовой направлялись мальчишки из первого отряда, а среди них шёл Вадим. Он и правда смотрел на неё, но тотчас отвёл глаза. И так до самой столовой шел, глядя себе под ноги и не разделяя шуточек и смеха остальных мальчишек. Физрук ей еще что-то говорила, но она едва улавливала смысл его слов. Все силы уходили на то, чтобы казаться спокойной, тогда как самой хотелось разреветься в голос.

За что он так с ней? Почему? Что она такого ему сделала? Физрук ещё раз повторил, что зайдёт после ужина и ушёл, оставив её на крыльце столовой одну.

В другой раз она бы тут же сбежала, скрылась, спряталась, но сейчас точно приросла к дощатому крыльцу, впившись отчаянным взглядом в Вадима.

Проходя мимо, он лишь мельком стрельнул в нее взглядом и снова отвернулся, чересчур поспешно. Даже на миг не приостановился. Не кивнул. Вообще ни-че-го. Но Ира успела заме-

тить в его взгляде... вину? Не искреннее сожаление или раскаяние, а вину, которую чувствуешь против воли, которую всеми силами хочешь заглушить.

Выходит, права Света – всё то, что было между ними на прошлой неделе – ненастоящее? Какая-то игра или спор? Но с кем он мог на неё поспорить? И зачем?

В столовую Ира и заходить не стала. Развернулась и бегом, не разбирая дороги, помчалась к клубу. Плевать, что Денис потом будет ругаться. Вообще на всё плевать. Никого ей не хотелось сейчас видеть. Рыдания рвались наружу, до боли раздирая грудь.

Закрывшись на щеколду в оформительской, Ира как подкошенная рухнула на деревянный стул и глухо завывала.

Сквозь собственный плач она не сразу сообразила, что в дверь постучали. Потом подёргали за ручку. Хотелось затаиться, но там наверняка слышали её рёв. Стыдно-то как!

Но делать нечего, и Ира, утерев ладонями мокрое лицо, открыла дверь.

В коридорчике стоял физрук, Алексей Фёдорович.

– Что-то случилось? – спросил он встревоженно.

Ира покачала головой и, шмыгнув носом, выдавила:

– Нет, нич-чего. П-просто поссорилась с... подругой.

Физрук посмотрел на неё с сомнением, но в душу лезть не стал.

– Вы за картами? – глухо спросила Ира.

Он кивнул.

Она присела возле нижних дверок шкафа, и тут вдруг поняла, что было не так.

Обычно ручки на дверцах перетягивала чёрная резинка от бигуди, потому что дверцы держались слабо и порой сами собой раскрывались. Особенно раньше, когда здесь хозяйничал прежний оформитель. Шкаф у него был под завязку забит всякими бумагами и папками, и всё это, чуть что, вываливалось на пол. Вот Ира и придумала удерживать дверцы таким нехитрым способом. Сейчас она правда навела в шкафу относительный порядок, но все равно по привычке цепляла на ручки резинку.

А теперь этой резинки не было! То есть её кто-то снял. Но кто? Или, может, порвалась и отлетела? Ну, кому могло понадобиться заглядывать в старый шкаф, где, по большому счету, хранится одна макулатура?

И тут вдруг прострелила мысль – карты!

Сердце ёкнуло и упало вниз. От волнения Ира бестолково засуетилась, но, поспешно открыв дверцы нижнего ящика, облегчённо выдохнула – и карты, и маршрутные листы, и погоны, всё лежало на месте.

– О! Ты – молодчина, – присвистнул Алексей Фёдорович, разглядывая аккуратные схемы. – И погоны что надо! Сейчас отдам их Павлику и Денису, чтоб ребята до отбоя успели пришить.

Ира, поднимаясь, улыбнулась.

– У тебя в сто раз лучше вышло, чем Миша рисовал.

Ира догадалась, что Мишей звали того самого оформителя, который захламил тут шкаф и уехал в город с концами.

Ира даже смутилась от такого комплимента и потупила глаза. И тут её как током ударило – на полу, рядом с ножкой стола лежала серебряная цепочка с монеткой-пфеннигом.

Физрук что-то сказал – она даже не расслышала – и вышел, затворив за собой дверь, а Ира продолжала стоять в ошеломлении и смотреть на свою находку, ровным счётом ничего не понимая. Откуда здесь цепочка Вадима? Неужели он заходил к ней? Но зачем? Поговорить? Объясниться? Попросить прощения?

Ира с тихим стоном опустилась на стул – догадка, такая ясная и беспощадная в своей очевидности, пронзила её.

Вадим приходил не к ней, он приходил сюда! Он не её искал, а карты! Цепочка лежала у него в кармане джинсов и, видимо, выпала, пока он, присев на корточки, рылся в шкафу. Карты он не взял – это сразу заметили бы, он их, скорее всего, перерисовал себе, чтобы завтра... победить в этой проклятой «Зарнице».

Получается, все его знаки внимания, улыбки, слова и даже поцелуй – это всё фальшь? Сплошное притворство, чтобы она поверила ему, и он мог заходить к ней в оформительскую беспрепятственно?

Ира застонала ещё громче. Казалось, её ударили под дых. Больно было физически, нестерпимо, оглушительно, – так, что меркло в глазах, так, что скрутило всю и не отпускало, наверное, целую вечность. Не отпускало, пока не хлынули слезы.

«Какая же я дура! Ведь сразу было понятно, что он мне не пара. Вон Свете этой было понятно и другим... А я развесила уши, размечталась...», – глотая слезы, шептала Ира. – «Он даже не спорил на меня. Он меня просто использовал... грубо, лживо и подло использовал. А потом бросил, как стала не нужна...»

Ира снова завывала в голос, уже не думая о том, что кто-нибудь может услышать. Но на удачу или на беду никто её не слышал.

Наревевшись до острых спазмов в груди, до полного опустошения, Ира потихоньку умолкла. Оцепеневшая от боли и унижения, она бессмысленно смотрела на цепочку и не понимала, что ей теперь делать. Рассказать всё? Но кому? Физруку? Денису? Павлику? Или Римме Михайловне? Конечно же, её отругают, скажут, что не смогла уберечь секрет, который ей доверили, обвинят в том, что подвела всех... И правильно сделают. Ведь если бы она не была такой беспросветной душой...

И что будет с Вадимом? Одной выволочкой дело тут явно не обойдётся. Это ведь бесчестный поступок, и подлый, и не только по отношению к Ире. Ко всем! Это, считай, диверсия. Пусть это всего лишь Зарница, но, как говорит Денис, всё начинается с малого. Такое Вадиму точно не спустят. Наверняка его будут срамить на линейке и выгонят из лагеря. А еще ведь старшая вожатая работает в школе Вадима. А значит, и там все узнают про его подлость. Это же будет такой позор...

«Но он это заслужил! – упрямо сказала Ира, как будто спорила сама с собой. – Заслужил, чтобы его наказали и опозорили!».

Сказала и тут же снова расплакалась...

25

Ира почти спала, пережив, наверное, свою самую мучительную ночь. Ко всему прочему, ещё и с девчонками вечером поругалась. Хорошо хоть, Денис вовремя заглянул и неожиданно вступился за неё, а то Лидка, похоже, всерьёз уже собиралась пустить в ход кулаки. Во всяком случае, грозилась.

Когда накануне Ира, измученная, вернулась из оформительской в палату, девчонки как раз пришивали на футболки погоны. Света раз за разом колола пальцы иголкой и вскрикивала, потом отдала свою футболку Гуле.

– Ты классно шьёшь, пришей и мне.

Гуля с готовностью взялась помочь, а Света, забравшись с ногами на кровать, стала рассуждать о грядущей «Зарнице»:

– Денис сам не свой, и пацаны тоже. Можно подумать, они в детстве не наигрались в войнушку. Хотя... у Дениса свой интерес.

– Какой? – тут же отозвались девчонки.

– Да на театральном болтали, что у них с Павликом прямо война, мол, кто кого.

– Ну это и так видно, что они друг друга не переваривают.

– Так они ещё и за звание лучшего вожатого борются. Вот поэтому так и хотят победить.

– А ты, Свет, что ли, не хочешь победить? – спросила Лидка.

– Конечно, хочу! Но скакать по лесу весь день, если честно, мне не очень-то охота. Вон, хорошо наша Ирка устроила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.